

Часть 3

Введение - Сеть личных отношений

В строки, которые я сочинил однажды для освящения буддийского алтарного зала, входит пожелание: «Пусть наше общение друг с другом будет Сангхой»⁷¹. В нем отражено огромное значение, которое всегда придавалось в буддизме качеству общения как между членами сангхи, так и в контексте всех отношений, в которые отдельный буддист вступает с другими людьми. Будда много говорил об общении – о важности искренней, доброй, осмысленной и гармоничной речи и о необходимости уделять внимание отношениям с другими людьми в целом и проверять, общаетесь ли вы с ними в согласии с буддийскими принципами.

Причины для этого вполне очевидны. Быть человеком – это значит вступать в отношения с другими человеческими существами. Мы не можем прожить свою жизнь в изоляции; какие бы усилия мы не предпринимали, чтобы развиваться как личность, они постоянно проверяются в горниле наших отношений с другими людьми. Какими бы спокойными, добрыми и мудрыми мы не ощущали себя в уединении своих сердец или алтарных залов, подлинная проверка того, насколько полно мы развили эти качества, наступает, когда мы сталкиваемся с реалиями жизни – трудностями, которые создают нам «другие люди».

Первое человеческое существо, с которым мы вступаем в контакт, – это, конечно, наша мать. Эти отношения очень близки и воздействуют на нас в течение всей нашей жизни. Затем появляется наш отец, а еще, возможно, братья и сестры, а также бабушки и дедушки, если нам повезло. Немного позже мы узнаем также о тетях, дядях и двоюродных братьях и сестрах. Таков обычно наш семейный круг. Но, помимо этого, есть еще соседи, живущие на одной с нами лестничной клетке, на одной улице или через дорогу, а с четырех-пяти лет – учителя, одноклассники и друзья. Позже может появиться муж или жена, а, возможно, и дети. Помимо всего прочего мы, скорее всего, вступим в общение с работодателями и коллегами, а иногда – и с подчиненными. Кроме того, рано или поздно нам приходится общаться с разнообразными правительственными служащими, чиновниками и даже руководителями, будь это в нашей стране или за границей. К тому времени, когда мы достигаем зрелого возраста, мы обнаруживаем себя в центре целой паутины отношений с десятками, а иногда и сотнями, людей, а косвенно или отдаленно мы связаны еще с очень и очень многими.

Эта сеть отношений – главная тема буддийского текста под названием «Сигалака-сутта», который можно найти в «Дигха-никае», «Собрании длинных проповедей» Палийского канона⁷². Это относительно ранний текст, можно с уверенностью сказать, что его содержание восходит к самому Будде. Он называется «Сигалака-суттой», потому что Будда произносит проповедь для молодого человека по имени Сигалака. Один из переводчиков описывает сутту как «Советы мирянам». В ней Будда дает модель различных видов отношений и объясняет, каким должно быть поведение в каждом из них. Все это излагается с такой ясностью и лаконичностью, что и в наши дни представляет большой интерес, – и мы будем использовать эту сутту как основу для заключительной части рассмотрения нашего вопроса «Что такое Сангха?»

Сигалака – молодой брахман, что указывает на то, что он принадлежит к касте жрецов, высшей и самой влиятельной касте индийского общества. Во введении к сутте сообщается, что Будде довелось встретить Сигалаку однажды ранним утром. С волос и одежды Сигалаки

все еще капала вода после очистительного ритуального омовения. (И в наши дни можно увидеть, как брахманы стоят в священной реке Ганг в Варанаси, погружаются в воду и читают мантры). Совершив омовение, Сигалака стал читать восхваление шести направлений: северного, южного, восточного, западного, направления зенита и надира.

Он делает это, как сообщает Будда, в послушание предсмертному указанию своего отца, дабы защитить себя от любого вреда, который может прийти из любого из этих шести направлений. И тогда Будда говорит Сигалаке, что, хотя восхваление шести направлений делать правильно и важно, он выполняет его не должным образом, если хочет, чтобы такое восхваление на самом деле защитило его. Затем Будда продолжает объяснять, что на самом деле символизируют собой шесть направлений.

Восток, говорит Будда, означает мать и отца (в индийских языках мать упоминается впереди отца), потому что человек берет в них начало, точно так же, как солнце – или, по крайней мере, день – начинается на востоке. Поэтому первые отношения, которые упоминает Будда, – это отношения между родителем и ребенком. Что касается остальных направлений, они отражают остальные ключевые отношения в жизни: юг – это отношения между учителем и учеником, запад – между мужем и женой, север – между друзьями и товарищами, надир – между господином и слугой (в наши дни – между работодателем и наемным работником), а зенит – отношения между мирянами и «аскетами и брахманами».

Подлинное восхваление шести направлений, объясняет Будда, заключается в выполнении своих обязанностей касательно этих шести видов отношений. Такое нравственное поведение естественным образом приводит к счастью, и именно в этом смысле человек защищает себя посредством такого «почитания». Здесь Будда помещает человека в центр сети отношений, из которых он перечисляет лишь шесть видов. Будда, по-видимому, равным образом подчеркивает важность этих шести первостепенных видов отношений, которые представляют собой довольно широкий круг человеческих связей, и в этом отношении он типичен для своей культуры, культуры северо-восточной Индии VI века до н. э.

Но в большинстве других культур одному виду отношений уделяется больше внимания, чем остальным. Например, перечень, подобный тому, что Будда дает Сигалаке, можно обнаружить и в конфуцианстве, согласно которому есть пять стандартных видов отношений: между правителем и подданным (иногда они описываются как отношения между князем и министром), между родителем и ребенком, между мужем и женой, между братом и сестрой и между друзьями. Но в Древнем Китае особое внимание всегда уделялось отношениям родителей и детей и в особенности обязанностям детей по отношению к родителям. Согласно некоторым конфуцианским писателям, сыновняя почтительность – величайшая из всех добродетелей, и в древности сыновья и дочери, служащие в ней примером, официально награждались правительством титулом, получали большие участки земли, а в их честь воздвигались памятники. Нам подобная идея может показаться более чем странной, поскольку мы живем в совершенно другие времена, когда большинство людей стремятся к независимости от собственных родителей.

Что касается древних греков, мы не найдем у них особого перечня важных видов отношений. Однако, если мы обратимся к учению Сократа в изложении Платона как к выражению высочайшего греческого идеала, становится очевидным, что для них самыми важными были отношения между друзьями. Трогательное описание смерти Сократа указывает на это особенно отчетливо. За некоторое время до смерти он довольно формально

прощается со своей женой и детьми, которые, как описывается, тем не менее, горько рыдают. Затем он отсылает их и посвящает последние часы жизни философским беседам с друзьями⁷³.

В средневековой Европе, напротив, особое внимание уделялось отношениям между господином и слугой, в частности, между феодалом и вассалом. Эти отношения господина и слуги были столь фундаментальными, что вокруг них выстраивалась вся система общества. В феодальной системе великой добродетелью была преданность, в особенности человеку, который находился прямо над вами в общественном порядке подчинения. Для знатного лорда это был король, для мелкого землевладельца – местный феодал, а для обычного слуги или крепостного – рыцарь. И человека воспитывали так, чтобы он с готовностью отдал жизнь за своего феодального господина.

В наши дни на Западе мы, несомненно, уделяем основное внимание сексуальным или романтическим отношениям. Человек может вступать в такие отношения не один раз, но, несмотря на удачи и разочарования, взаимоотношения между полами, тем не менее, остаются самыми важными для большинства людей и придают нашей жизни яркость и смысл. Романтические отношения – главная тема фильмов, романов, пьес и стихотворений, и в идеале они всепоглощающи – влюбленные часто заявляют, что не могут жить друг без друга и даже что готовы умереть друг за друга. Таким образом, для большинства людей, выросших в нашей культуре, сексуальные, романтические отношения являются главными и самыми важными – что люди древности, вероятно, сочли бы нелепым. Это не означает, что они непременно были бы правы, но мы можем, по крайней мере, напомнить себе о том, что люди не всегда считали так, как считаем мы в наши дни.

На современном Западе другие отношения часто становятся искусственными, потому что им просто не уделяется должного внимания. Мы склонны небрежно относиться к нашим отношениям с родителями и друзьями, редко относясь к ним столь же серьезно, как к романтическим связям. Мы думаем, что все так и должно быть. Мы склонны считать, что то, что мы придаем данным отношениям огромное значение по сравнению с остальными, совершенно нормально; на самом деле, мы, скорее всего, полагаем, что так было всегда и во всем мире. Но, как мы видели, на самом деле это не так. Напротив, очевидно, что наша позиция неправильна – ни одно другое общество не поднимало сексуальные отношения так высоко над остальными.

Помимо пренебрежения другими отношениями, у нашей позиции есть и еще один неблагоприятный результат – мы возлагаем слишком большие надежды на романтические отношения. Мы склонны ожидать от нашего сексуального партнера намного большего, чем он может нам дать. Если мы недостаточно осмотрительны, мы ждем от него, что он станет для нас всем: сексуальным партнером, другом, товарищем, матерью, отцом, советчиком, консультантом, источником безопасности, – всем. Мы ждем, что эти отношения подарят нам любовь, безопасность, счастье, полноту жизни и все остальное. Мы ждем, что они придадут смысл нашей жизни и таким образом станут для нас чем-то вроде электропровода под напряжением, которое для него слишком велико. В результате плохие, неудачные сексуальные отношения часто приводят к тому, что пробки перегорают, – они не выдерживают напряжения. Очевидное решение – работать над развитием более широкого круга отношений, которые равно важны для нас, и ко всем мы должны относиться с вниманием и заботой.

Но мы можем посмотреть на это с другой стороны. Помимо того, что это способствует упадку других отношений, современная сосредоточенность на сексуальных или брачных

отношениях также отражает тот факт, что другие отношения стали более сложными или вот-вот прекратятся. Отношения учителя и ученика, работодателя и наемного работника, правителя и подданного во многом оказались лишены личностной окраски – на самом деле, зачастую люди вообще не склонны считать, что подобные отношения должны включать личную составляющую. Но в других обществах все было не так. Несколько веков назад – всего лишь 150 лет назад в некоторых областях Европы – если бы вы были слугой или подмастерьем, вы, скорее всего, жили бы со своим хозяином под одной крышей. Вы бы разделяли с ним всю его повседневную жизнь, ели одну и ту же пищу за одним и тем же столом, как член семьи, но только тот, который знает свое место. В традиционной системе ученичества могли возникнуть очень сильные личные отношения между мастером и учеником или хозяином и слугой, или, говоря современным языком, между работодателем и наемным работником.

В романах Диккенса, которые были написаны в 1840-х, когда индустриальный век был уже в самом разгаре, все еще изображаются отношения между хозяином и слугой, носившие отличительный феодальный характер, потому что такие отношения оставались реальностью для многих людей. Когда в «Записках Пиквикского клуба» Сэм Уэллер, верный слуга мистера Пиквика, хочет жениться, мистер Пиквик, естественно, предлагает освободить Сэма от службы. Сэм заявляет о своем намерении остаться с мистером Пиквиком, который говорит: «Друг мой, ты должен подумать и о девушке». Но Сэм говорит, что она будет рада подождать его: «Если она не будет рада, она не та девушка, за которую я ее принимал, и я с готовностью откажусь от нее». Его долг, говорит он, служить мистеру Пиквику.

Таким образом, он напоминает о ситуации, когда человек служил феодальному вождю, который вел его в битву и был более могуществен, чем он, который защищал его и которому он был безусловно предан. Эта преданность делала отношения подлинно личными, и часто это были самые важные отношения в жизни мужчины, даже с эмоциональной точки зрения, – те отношения, ради которых другими при необходимости можно было пожертвовать.

Это отношение все еще существовало до некоторой степени на Востоке, когда я жил там в 1950-х. В Калимпонге мне иногда приходилось нанимать тибетских или непальских поваров, рабочих или садовников, и было заметно, что они быстро становились очень преданными. Их интересовало не только то, получают ли они деньги в конце месяца. Некоторые из них вообще не хотели работать за деньги. Они были гораздо больше заинтересованы в установлении достойных отношений с хорошим хозяином.

В наши дни, к счастью или к несчастью, все это уже отмирает вместе с настойчивым вторжением западных ценностей. Само слово «хозяин» сегодня заставляет людей чувствовать себя несколько неуютно. В результате вы чаще всего не можете установить сколько-нибудь подлинно личных отношений со своим работодателем. Вы работаете не на хозяина, а на отделение компании, и ваша работа контролируется людьми, у которых больше власти, чем у вас, но у вас нет к ним лояльности или преданности. Только в ситуациях, имеющих очень долгую историю, подобных армейскому уставу, в котором верность и преданность долгу является ключом к успеху, вы все еще находите подобные отношения. Подобно этому, у нас очень далекие, обезличенные отношения с теми, кто призван защищать наши интересы, и мы не думаем об этом, как о службе им. Раз или два за жизнь вам, возможно, выдастся случай пожать руку вашему местному члену парламента или конгрессмену, но чаще всего это самые близкие отношения, которых вы можете ожидать.

Многие, возможно, думают, что отношения учителя и ученика естественным образом обретают личный характер; это, несомненно, может быть так в наставнической системе некоторых университетов. Однако в целом обучение в наши дни – это напоминающий бизнес процесс передачи учеников от одного учителя к другому в некоторой надежде, что итогом станут равномерно переваренные факты. В обычной классной системе учителю иногда приходится обращаться к сорока ученикам, а затем он продолжает обучать другую большую группу учеников. Отношения непременно должны быть индивидуальными, и развить такие отношения с каждым учеником, который находится под вашим руководством, в таких обстоятельствах практически невозможно. В противном случае у вас появятся любимчики, и это приведет к обидам.

В любом случае, большинство из нас общается с учителями только в сравнительно раннем возрасте, поэтому у этих отношений, которые мы могли бы иметь с учителем, нет никакого шанса достичь зрелости. Обычно мы перестаем думать о необходимости учиться после того, как заканчиваем повышать квалификацию: это конец отношений «учитель-ученик» в нашей жизни, хотя определенные отношения позже и могут предусматривать неофициальный элемент наставничества, который может оказать глубокое влияние на наше развитие.

В современном мире отношения между друзьями, по крайней мере, в среде мужчин, обычно не становятся настолько глубокими, чтобы создавать проблемы. Мы склонны сохранять в таких отношениях легкость, не требовать от них чего-то большего, возможно, потому что в умах многих людей есть страх гомосексуализма. Любые сильные эмоциональные отношения между людьми одного и того же пола, особенно между мужчинами, в наши дни рассматриваются как нечто подозрительное.

Можно также сказать, что отношения между братьями и сестрами стали менее важными, чем в прошлом. Одна из очевидных причин этого – то, что у некоторых из нас нет братьев и сестер. В наши дни один ребенок в семье – обычное явление, в отличие от больших семей прошлого, когда (особенно до появления «государства всеобщего благосостояния») от членов семьи ожидали, что они будут заботиться друг о друге.

Тот факт, что эти разнообразные виды отношений стали искусственными, означает, что в наши дни в жизни человека остались лишь два вида действительно личных отношений. У древних индийцев было шесть, у древних китайцев – пять, но мы, исключительно из практических соображений, оставили два: отношения родителей и детей и отношения мужа и жены или молодой пары. И из этих двух видов отношений для многих людей вторые гораздо более важны.

Конечно, в сексуальных отношениях есть много различных осложняющих моментов, из которых наиболее очевиден сам секс. В условиях современности сексуальные потребности являются не только биологическими, но и психологическими. Например, в наши дни мужчины склонны связывать выражение своей мужественности в меньшей мере с активностью в мире, чем со своей сексуальной активностью, особенно если их работа довольно бессмысленна и проста.

Еще один осложняющий фактор заключается в том, что в большинстве цивилизаций отношения между мужчинами и женщинами закреплены либо институтом брака, либо сожительством. Помимо отношений родителей и детей (которые имеют совершенно другую основу), брак – это единственные из наших отношений, которые мы легализуем и закрепляем

подобным образом. Это не просто личная договоренность между двумя людьми, брак подразумевает освященные законом обязательства, которые в определенных обстоятельствах даже могут быть закреплены в судебном порядке. В таких отношениях не всегда возможно что-либо изменить, и это может привести к сложностям.

Когда возникает противоречие между нашей потребностью развиваться как личность, с одной стороны, и нашими сексуальными отношениями – с другой, психологическое давление может создать сильное напряжение. На самом деле, в любых личных отношениях есть вероятность того, что они встанут на пути наших попыток духовного роста. Здесь заключен парадокс. С одной стороны, личные отношения совершенно необходимы для человеческого развития. С другой стороны, если мы преданы духовному развитию, гораздо проще поддерживать личные отношения с другим человеком, который также пытается вести духовную жизнь. Проблемы чаще всего возникают – особенно в контексте сексуальных отношений, – когда один из двух людей хочет заниматься духовной практикой, а другой – нет, и такие проблемы трудно разрешить, потому что мы, скорее всего, в любом случае не до конца всем сердцем преданы духовной жизни. Часть нас, так сказать, скорее всего, будет уклоняться вместе с другим человеком от духовных устремлений, и мы можем обнаружить, что соглашаемся с тем, что отводить время на медитацию – просто эгоистично.

Некоторые люди обнаруживают, что, когда они вовлекаются в духовную практику, важность прежних личных отношений уменьшается, по крайней мере, на какое-то время. Иногда это трудно принять. То, что с вашим ростом вам просто придется в некотором смысле оставить семью и друзей, звучит невыносимо жестоко. Но в некотором роде это единственное, чего стоило ожидать. В духовной жизни есть непрменный элемент ухода, как мы отметили. И если вас интересуют вещи, о которых ваши друзья и семья мало что знают и не интересуются ими, вам не останется ничего, кроме как до некоторой степени утратить связь с ними.

Однако многие люди обнаруживают, что по мере достижения зрелости в своей духовной практике их возросшая оптимистичность, чувствительность и чувство благодарности проводят их к гораздо более глубоким и близким отношениям, особенно с семьей, и это можно только приветствовать и действительно сознательно работать над этим. В конце концов, как Будда напомнил Сигалаке, наши родители даровали нам жизнь, ощущение смысла и драгоценности которой в нас увеличивается, и за это мы должны относиться к ним с великой любовью и уважением, что бы ни случилось позже. В то же самое время, по мере углубления духовной практики, мы будем создавать новые личные отношения с другими людьми, которые пытаются вести духовную жизнь – другими словами, мы, скорее всего, присоединимся к духовному сообществу или будем участвовать в его создании.

В следующих главах мы рассмотрим каждые из этих шести отношений, которые Будда посоветовал Сигалаке связывать с шестью измерениями. Каждая глава будет рассматривать отдельные отношения с определенного угла, поэтому у нас нет намерения дать им всеобъемлющее описание (что в любом случае было бы вряд ли возможно) – это просто возможность остановиться и поразмышлять над природой каждого отношения по очереди. Рассмотрев все шесть видов отношений, мы поразмышляем над тем, что присуще всем им и также является качеством подлинной личности, – благодарностью. В завершение в двух главах мы изложим некоторые мысли по поводу отношений отдельного буддиста с большим миром. В конце концов, будучи весьма далека от рационализации эгоизма, которой ее считают некоторые люди, жизнь буддиста действительно может быть прожита лишь в свете осознания

нашей взаимозависимости с жизнью в целом и стремления действовать с состраданием и энергией на этой основе.

Глава 13

Как быть родителем-буддистом

Согласно совету Будды Сигалаке, один из шести видов отношений, которые следует почитать и уважать, – это отношения между родителями и детьми. Мы понимаем, что Сигалака уже знал кое-что об этом, поскольку он поклонялся шести направлениям, в первую очередь, исполняя желание отца, и можно сказать многое об обязанностях детей по отношению к родителям. Здесь, однако, я сосредоточусь на обязанностях родителей по отношению к детям.

У меня самого нет детей, но, несомненно, была возможность наблюдать природу отцовства и материнства посредством общения с друзьями и учениками, у которых были дети, а также посредством чтения и средств массовой информации в целом. Возможно, в данном случае справедливо утверждение, что со стороны виднее. На основании такого опыта – хотя и чужого, – который у меня был, я осмелюсь предложить ряд пунктов, над которыми хорошо было бы поразмышлять любому родителю-буддисту. Я не буду рассматривать вопрос о том, следует или не следует иметь детей. Для многих людей, включая буддистов, дети – это просто данность, и, следовательно, необходимо рассмотреть, как лучше всего справляться с этими важными отношениями.

Наблюдения, которые я хочу сделать (многие из которых основаны на здравом смысле), выражаются в форме пятнадцати пунктов, первый из которых таков:

1. Помните, что вы сначала буддист, а потом родитель

Если человек одновременно является буддистом и родителем, полезно думать о себе как о буддисте, который является родителем, а не как о родителе, которому довелось стать буддистом. Эти две позиции во многом различны. Говоря это, я ни в коем случае не советую буддистам отводить своим детям второе место. Если вы хотите уйти в ретрит, а ваша дочь или сын больны, я не предлагаю вам оставить их на попечение кого-то еще и отправиться в ретрит. Совсем нет. Буддизм стоит на первом месте в том смысле, что именно из буддизма вы заимствуете те принципы, в свете которых вы пытаетесь быть родителем-буддистом, а не просто родителем.

Человеческие существа разделяют родительские функции практически со всеми видами животных; просто стать родителем – это невеликое достижение, и почти все человеческие существа делают это. Но, хотя стать родителем легко, быть хорошим родителем на самом деле очень трудно, потому что это подразумевает, что мы применяем или пытаемся применять буддийские принципы к нашим отношениям со своими детьми. Этот пункт лежит в основе всех других положений, которые я хочу отметить.

2. Не бойтесь учить своих детей буддизму

В наши дни возникает много заблуждений по поводу того, чему следует учить детей. Люди часто говорят, что мы не должны вмешиваться в чье-либо мышление; мы должны способствовать тому, чтобы люди думали сами. Детям не нужно вкладывать в голову идеи и учения, им нужно позволить расти с открытым, свободным, почти пустым умом. Затем, когда они достаточно подрастут, они сами решат, хотят ли они быть христианами, буддистами, агностиками, мусульманами или кришнаитами, – кем им больше понравится.

Подобные воззрения совершенно нереалистичны. Пока вы тщательно удерживаете

себя от того, чтобы рассказывать своим детям о буддизме, отказываетесь излагать им идеи и учения, как вам кажется, разные другие силы упорно работают, вкладывая в голову вашим детям ценности, совершенно отличные от ваших собственных, нравится вам это или нет. Это происходит все время: в школе или на игровой площадке, по телевизору и в фильмах, благодаря атмосфере в обществе в целом. Не думайте, что, если вы отказываетесь знакомить своих детей с учением, они смогут совершенно свободно и самостоятельно сформировать свое мнение относительно этих вещей, когда достигнут сознательного возраста, когда бы это ни случилось (если такой возраст вообще наступает).

Следовательно, не бойтесь учить своих детей буддизму – или, скорее, передавать им некий дух Дхармы. Общество в самом широком смысле все равно будет воздействовать на них самыми разными способами, и некоторые из этих воздействий будут, несомненно, негативными, поэтому не стесняйтесь оказывать на них положительное влияние с помощью Дхармы. Вам не нужно пытаться учить их изощренным буддийским учениям, таким, как закон обусловленного совозникновения. Вам не нужно заставлять их с раннего возраста читать «Обзор буддизма». Вы можете начать в раннем возрасте с показа им книжек с картинками о жизни Будды или традиционных историй о предыдущих жизнях Будды. Все дети любят истории, и хочется надеяться, что телевидение не совсем вытеснило их рассказывание дома. Так вы можете познакомить детей с миром буддийской культуры и дать им некоторое ощущение буддизма.

То, что вы еще можете сделать – на самом деле, должны делать – подавать пример. Когда, по мере взросления своих детей, вы начинаете передавать им свои ценности, – преданность нравственной речи, например – важно, чтобы вы сами демонстрировали эту преданность в своей жизни. Как знает любой родитель, дети очень быстро ловят нас на несоответствиях. Бесполезно говорить своему сыну или дочери о том, что неправильно лгать, а затем, когда кто-то стучит в дверь, сказать: «Скажите, что меня нет».

Вы также передаете своим детям дух Дхармы через атмосферу, которая преобладает в вашем доме. Важно, чтобы дети, приходя из школы или откуда-то еще, чувствовали, что им хорошо дома: спокойно ли там или, возможно, довольно оживленно, но дом полон счастья и оптимизма, атмосферы любви и безопасности. Возможно, со временем они поймут, что эта атмосфера как-то связана с тем, что вы буддист и медитируете, но установят они эту связь или нет, они ощутят преимущества жизни в позитивном окружении.

3. Осознайте то, с чем вам придется столкнуться

Ни одному родителю не нужно напоминать, что, будучи родителем, он сталкивается с трудностями в том смысле, что растить детей дорого, что дети могут быть трудными, что его ждут бессонные ночи. Но есть трудности и в другом смысле слова – вы сталкиваетесь с миром в широком понимании. Будучи родителем-буддистом, вы пытаетесь воспитывать своих детей в соответствии с буддийскими принципами. Но внешний мир далек от того, чтобы признавать эти принципы. Вы говорите своему ребенку одно, а мир обычно говорит совсем другое, даже совершенно противоположное.

Любому буддисту приходится отстаивать свои принципы, но, будучи родителем, вам придется участвовать и в битве за своих детей, как и в своей собственной. Степень, в которой детей нужно ограждать от внешнего влияния, особенно в самом раннем возрасте, – большой вопрос, и в любом случае оградить их возможно лишь до некоторой степени. Но важно и полезно признать, что пытаться растить детей в соответствии с буддийскими принципами

чрезвычайно сложно, поскольку внешний мир – сознательно или бессознательно, намеренно или ненамеренно – все время оказывает на них совершенно иное влияние, как и на вас.

4. Присоединитесь к родительскому комитету

Здесь мы переходим к более частным вопросам. Рано или поздно ваш ребенок начинает ходить в школу. Мое четвертое положение таково: присоединитесь к родительскому комитету. Не оставляйте образование своих детей в школьные часы на откуп учителей. Можно даже сказать, что образование слишком важно, чтобы оставить его учителям, точно так же, как иногда говорят, что политика – это то, что не стоит доверять политикам. Учителя могут превосходно выполнять свою работу, но им также приходится сталкиваться со многими трудностями – быть учителем в некоторых отношениях так же сложно, как и быть родителем.

Если у вас есть дети школьного возраста, следовательно, хорошо бы установить контакт с их учителями. Говорите с ними о своих детях и детях в школе в целом и также обсуждайте с ними проблемы, с которыми они сами сталкиваются в качестве учителей. В наши дни учителям приходится очень трудно. Появляются все новые и новые случаи нападения на учителей со стороны учеников, и подобные вещи действительно делают жизнь учителей очень сложной. Если вы вступите в родительскую организацию или ассоциацию, вы можете внести вклад, предложить определенные идеи и соображения, чтобы школа стала лучшим местом для всех детей, которые ее посещают. Вы можете даже стать заведующим школой и, следовательно, получить еще большие возможности для того, чтобы оказать на школу положительное и творческое влияние.

5. Общайтесь со своими детьми

Некоторые люди любят утверждать, что эти слова больше следует отнести к отцам, чем к матерям, но я не собираюсь проводить здесь подобных различий. Очень важно, будучи родителем, общаться со своими детьми. Говорите с ними серьезно – не смотрите на них свысока. Если они задают вопрос, воспринимайте его всерьез. Если вы это сделаете, вы будете удивлены, как трудно дать на него ответ. Даже довольно маленькие дети умны и восприимчивы, и у них иногда возникают довольно необычные вопросы.

Одно из самых счастливых воспоминаний о моем собственном детстве в конце 1920-х и начале 30-х – когда отец проводил время со мной и разговаривал. Он обычно возвращался домой с работы – если у него была работа, потому что это были времена безработицы – примерно в шесть или семь часов, заходил в мою комнату – я уже был в постели – и садился на кровать, чтобы поговорить со мной полчаса или час. Иногда мама проявляла нетерпение, потому что уже приготовила ужин, и теперь он остывал, но отцу было интереснее поговорить со мной. Он говорил со мной о самых разных вещах, особенно о своих военных воспоминаниях – он был серьезно ранен в мировую войну, которая закончилась лишь несколько лет назад. Не только отец рассказывал мне что-то: повзрослев, я всегда с легкостью общался с ним.

Так что говорите со своими детьми. Делитесь с ними своими серьезными мыслями в той мере, в которой они способны их воспринять. Это означает, что вы должны найти на них время. Не будьте слишком заняты, чтобы не иметь возможности поговорить с собственным ребенком. Если вы очень заняты, отведите на это отдельное время, точно так же, как отводите время на друга. Конечно, это не значит, что вы должны посадить перед собой ребенка и сказать: «Что ж, а теперь мы поговорим». Вы должны найти подходящий момент. Дети не

всегда хотят общаться, когда у вас есть время.

6. Ограничьте просмотр телевидения

Сложно, если не невозможно, поддерживать ясное и позитивное состояние ума – оставаться осознанными, как сказали бы буддисты – если вы ничего не сделаете для того, чтобы ограничить степень потребления всех стимулирующих воздействий современной жизни. И, конечно, в наши дни большое влияние оказывает телевидение. Много спорят о том, есть ли причинная связь между жестокостью на телевидении, и жестокостью в семье и на улицах. Некоторые эксперты полагают, что никакой связи на самом деле нет, другие утверждают, что есть, и обычному человеку очень трудно понять правду.

Но с буддийской точки зрения мы можем быть уверены в одном. Приводит или нет жестокость по телевидению к реальному насилию, она, несомненно, не улучшает состояние ума зрителя. Если мы проводим несколько часов каждую неделю или даже каждый день за просмотром программ, которые содержат много насилия, это может лишь нанести вред нашему состоянию ума, будь это ум взрослого, подростка или восприимчивого и впечатлительного ребенка.

Некоторые люди скажут, что у детей есть права, в том числе и право на просмотр телевизора в любое время. Но, как я уже говорил, я считаю, что лучше использовать не язык прав, а говорить в контексте обязанностей. И родители – особенно родители-буддисты – обязаны ограничивать время просмотра телевизора для своих детей.

Ограничения должны касаться не только того, что они смотрят, но и того, сколько времени они проводят перед телевизором. Исследования показывают, что многие дети на Западе страдают от избыточного веса. Это частично происходит из-за нездорового питания – это предмет следующего пункта, – но также и потому, что дети недостаточно двигаются. Они недостаточно активны – это очевидно, – потому что гораздо интереснее застыть перед телевизором. Тесты показывают, что просмотр телевидения также отрицательно влияет на воображение – главным образом потому, что тому, кто пассивно принимает все, что предпочитают ему предложить телевизионные продюсеры, просто не нужно использовать воображение.

Конечно, ограничить просмотр телевизионных программ сложно. Одна мать-буддистка, с которой я был знаком, сказала, что ее дети чувствуют себя обделенными, потому что у них дома нет телевизора, и, следовательно, чувствуют себя не такими, как другие дети в школе, потому что не могут участвовать в обсуждении того, что показывали по телевизору предыдущим вечером. В конце концов, матери пришлось неохотно сдаться под их постоянным давлением, хотя ей и удалось до некоторой степени ограничить время просмотра. Несомненно, влияния сильны. Тем не менее, нужно занять твердую позицию по этому вопросу.

7. Обеспечьте своим детям здоровое питание

Этот пункт может показаться очевидным, но, опять же, современные условия затрудняют его. Живя в городе и внимательно присматриваясь ко всем, я заметил одну вещь – детей, которые едят на улице. И, конечно, обычно они едят нездоровую пищу – шоколад, мороженое, бургеры и чипсы. Родителям нужно приложить все усилия, чтобы справиться с этой распространенной привычкой. Не нужно относиться к этому фанатично, как это было модно в шестидесятые, когда все увлеклись макробиотикой. Но кто бы ни занимался

приготовлением пищи в семье, ему нужно попытаться обеспечить сбалансированное питание и отучить детей от перекусов между приемами пищи.

И, безусловно, детей нужно отучать от курения. Еще одна вещь, которую я заметил, гуляя по городу, – то, как много школьники курят. Я вижу, как они выходят прямо из школы – им не может быть больше двенадцати или тринадцати – и вытаскивают пачку сигарет, закуривая там же. И снова, родители-буддисты должны занять твердую позицию в отношении своих детей, когда те достигают соответствующего возраста.

Когда я был ребенком, все было совсем по-другому. Я и подумать не мог о курении, когда был юн, но когда мне исполнилось шестнадцать, отец сказал мне: «Сын, теперь тебе шестнадцать. Можешь курить, если хочешь». Но я не стал – пока не пошел в армию. Даже там это продолжалось совсем недолго, потому что мне не понравилось, и с тех пор не курю. Действительно очень прискорбно видеть столь юных подростков, как мальчиков, так и девочек, уже привыкших к курению. Поэтому, пожалуйста, отучайте детей от курения – не просто отучайте, а прекращайте его. Используйте свой родительский авторитет. Я знаю, что от родительского авторитета в наши дни остались лишь жалкие крохи, но сколь бы ничтожны не были эти остатки, используйте их в этой ситуации.

8. Вводите своего ребенка в общество

Это пункт, который я хочу подчеркнуть особенно. Ваши дети не принадлежат только вам. Они не просто члены семьи. Они являются или будут являться членами общества, частью большего круга людей, и их нужно воспитывать, даже готовить, таким образом, чтобы они могли позитивно действовать как члены этого общества. Опять же, это подразумевает упражнения в дисциплине. Детей нужно учить, например, уважать собственность других людей и принимать в расчет их чувства. Иначе позже им придется сложно в этом мире. Вы можете смириться с их вспышками гнева и дурным поведением, но не мир.

Поэтому учите своих детей жить в обществе. И не перекладывайте это на других людей. Родители часто так поступают. Малыш Джимми или малютка Мэри ведут себя плохо, их совсем не заботят другие люди, но родители лишь снисходительно улыбаются: «Ну, это же наша Мэри» или «Это же Джимми», – и полагают, что другие люди должны с этим смириться или даже счесть это милым. На самом деле, конечно, другие люди, скорее всего, думают: «Что за ужасно невоспитанный ребенок!»

Хорошие манеры не очень популярны в наши дни, поскольку ассоциируются с буржуазными ценностями, воспитанием среднего класса и подобными вещами; люди склонны выплеснуть младенца хороших манер вместе с водой общественной моды. Но нам нужно сделать все возможное, чтобы вернуть ребенка. Недавние исследования указывают на однозначную связь между дурным поведением и юношеской преступностью, и это предполагает, что аспект социализации, который заключается в обучении детей хорошим манерам, не стоит недооценивать.

9. Не будьте собственниками

Конечно, ваш ребенок – это ваш ребенок, со всем причитающимся, и до определенного возраста вы отвечаете за него перед законом. Но попытайтесь избегать мыслей: «Это мой ребенок». Не утверждайтесь во мнении, что никому другому не позволительно разговаривать с вашим ребенком или ругать его, если он ведет себя дурно. В здоровом, позитивном обществе каждый взрослый должен иметь право укорить любого ребенка, который ведет себя

дурно где бы то ни было. К несчастью, в западном обществе в наши дни это невозможно. В Индии это случается, но на Западе люди, по-видимому, сопротивляются, когда кто-нибудь, как они это называют, вмешиваются в воспитание их детей.

У родителей-буддистов, несомненно, не должно быть такого отношения, частично потому, что как буддисты мы пытаемся не испытывать привязанности или, по крайней мере, уменьшить ее, а частично – потому что как родители-буддисты мы являемся членами буддийской сангхи. Вы не должны возражать, если ваш друг-буддист считает уместным выразить свое несогласие с каким-нибудь проступком вашего ребенка. Если ваш ребенок приходит в буддийский центр вместе с вами и, пока вы чем-то заняты, носится по центру, любой знакомый буддист может сказать: «Томми, ну-ка не шуми так», – и вы не должны протестовать или чувствовать себя оскорбленным.

Очень важный аспект отказа от собственности – позволить своим детям, когда приходит время, покинуть родительское гнездо и уйти в больший мир. Вы должны воспитывать их так, чтобы они могли отправиться в путь свободно, легко, без ощущения вины, с уверенностью в себе, а вы должны чувствовать себя – да, немного печальными, это неизбежно – но в целом счастливыми и довольными, даже, хотя, возможно, вы в этом и не сознаетесь, ощущать некоторое облегчение от того, что они покидают вас, и стремиться и быть готовыми продолжить старые отношения на новой основе.

Есть очень интересная строфа, затрагивающая этот вопрос, в индуистском «Манусмрити». Строфа имеет отношение к отцам и сыновьям, но она применима к любым отношениям родителя и ребенка. Там говорится: «Когда твоему сыну исполняется шестнадцать, прекрати считать его сыном и относись к нему как к другу». И это, безусловно, становится возможным в полной мере, когда ребенок покидает дом. Когда ваш сын или дочь приезжают навестить вас, попытайтесь относиться к ним не как к ребенку, вернувшемуся в гнездо за утешением, а как к доброму другу, приехавшему ради хорошей беседы.

10. Учите своих детей говорить правильно

Время от времени, когда я выхожу в люди и слышу, что люди говорят – не только дети, но и взрослые – меня поражает, насколько беден их словарный запас. Действительно, стандарты в отношении языка и словесного общения в целом, по-видимому, постоянно падают. Поэтому очень важно поощрять детей расширять свой словарный запас и говорить правильно. Речь – это главное средство общения с другими людьми. Если мы не добьемся в ней мастерства, мы просто не сможем поднять свое общение выше определенного уровня.

Следовательно, убедитесь, что ваши дети не просто говорят на родном языке, но на самом деле *владеют* им, говорят на нем правильно и красиво, уделяя внимание грамматике и точному словоупотреблению. Не бойтесь их поправлять. Некоторые учителя утверждают, что детей ни в коем случае нельзя поправлять, потому что это подрывает их самооценку, но эта самооценка довольно слаба, если ее можно подорвать подобным образом. Если человека не поправлять, он продолжит делать ошибки, и эти ошибки войдут в привычку. Поэтому поправляйте своих детей, если они подхватывают неправильные выражения от школьных друзей – и, конечно, если они склонны к использованию грубых слов.

Речь – поистине чудесная вещь, одно из величайших достижений человеческой расы. Мы должны сами пользоваться ею и учить своих детей пользоваться ею полно, действенно и красиво, насколько это возможно. Обучая наших детей говорить правильно, мы открываем им

доступ к тому, что на самом деле драгоценно.

11. Берите детей на буддийские праздники, если это уместно

Здесь лучше придерживаться среднего курса. Вместо того, чтобы постоянно оставлять детей дома в дни буддийских празднований или постоянно брать их с собой, попытайтесь выяснить, какие празднования и мероприятия могут подойти для ребенка. Не все подойдет. Если программа подразумевает много медитации, например, она не подойдет малышу: не стоит ждать от него, что он будет спокойно сидеть долгое время или даже больше нескольких минут.

Но детям нравится во всем принимать участие и делать разные вещи, поэтому, если церемония включает праздничную пуджу, несомненно, берите детей с собой – конечно, посоветовавшись с теми, кто организует праздник. Я заметил, что детям нравится делать подношения на алтарь: это то, что они могут сделать, это просто и поэтично, и им это нравится. Они даже могут сами приготовить подношения заранее, принести их с собой и поднести самостоятельно.

Не настаивайте, чтобы дети принимали участие во всем – есть некоторые случаи, в которых это неуместно – но там, где возможно, приводите их. Может быть, время от времени можно устраивать даже особый детский праздник.

12. Знакомьте детей со своими друзьями-буддистами

Это может показаться очевидным, но так бывает не всегда. Особенно в отношении англичан есть поговорка, что дом англичанина – это его крепость, и мы склонны не позволять опускаться подвесной мост. В характере англичан есть склонность держаться на некотором удалении от других людей и разделять домашнюю и общественную жизнь. Но если у вас есть дети, хорошая идея – убедиться в том, что они проводят время с вашими друзьями-буддистами или, по крайней мере, немного общаются с ними. Часто это происходит естественно и спонтанно, но некоторым нужно приложить усилия, чтобы убедиться, что это действительно происходит.

Это важно частично потому, что помогает компенсировать ограниченность современной нуклеарной семьи. В некоторых частях Индии, например, большинство родителей все еще живут как часть расширенной или объединенной семьи, состоящей из десяти-пятнадцати или больше членов. Но в Англии наши крепости становятся на самом деле очень малы. Нуклеарная семья становится все более нуклеарной день ото дня, по-видимому, и это неблагоприятно, как для родителей или родителя, так и для детей или ребенка. Некоторые семьи в наши дни состоят только из двух человек – родителя и ребенка – это довольно ограниченная, даже стесненная ситуация. Если вы познакомите детей со своими друзьями-буддистами, это может помочь вам изменить потенциально клаустрофобную природу такой нуклеарной семьи.

Если дети привыкнут с раннего возраста встречать взрослых извне непосредственного круга семьи, это непременно поможет им в развитии уверенности в себе, и это, безусловно, огромное достижение. Одна из вещей, которую я заметил, когда вернулся на Запад после многих лет проведенных в Азии, – это то, что людям здесь, по-видимому, недостает уверенности в себе. Родители должны сделать все возможное для того, чтобы удостовериться, что их дети растут достаточно уверенными в себе – не с той уверенностью, которая выражается в антиобщественном поведении, а с позитивной и даже творческой уверенностью

в себе. И для развития у ребенка уверенности в себе действительно полезно, если он привык общаться с взрослыми, не входящими в круг семьи.

13. Учите детей заботиться об окружающей среде

Довольно часто можно наблюдать, как дети небрежно бросают обертки от конфет и тому подобное на улице, очевидно, но осознавая, что они делают, или, возможно, привыкнув к тому, что за ними уберет кто-то другой, что это не их обязанность – содержать улицы в чистоте. И это, конечно, является показателем отношения, которое потенциально имеет далеко идущие последствия для окружающей среды.

Даже в те дни, когда планета была зеленее, во времена Будды, окружающая среда была предметом большой заботы для практикующих буддистов, и сам Будда довольно часто говорил об этом. Будучи родителем-буддистом, человек должен стремиться воспитывать в своих детях заботу об окружающей среде и уважение к ней – ведь, в конце концов, это *их* окружающая среда. Когда они станут старше, вы сможете обсуждать с ними экологические проблемы – как и другие вопросы, конечно, но вопрос защиты окружающей среды действительно имеет очень непосредственное практическое применение.

14. Учите детей сопереживать

Это действительно очень важно. В последние годы в Англии широко обсуждался печальный случай Джеймса Балгера, малыша, которого убили два очень маленьких мальчика. В радио-дискуссии после судебного разбирательства кто-то сказал, что причина, по которой мальчики совершили это ужасное преступление, заключалась в том, что их не научили различать плохое и хорошее. Но принимавшая участие в обсуждении женщина-психолог не согласилась с этим. Она отметила, что два мальчика были признаны виновными в убийстве – другими словами, было доказано, что они знали разницу между тем, что правильно, а что нет. В продолжение она отметила очень важную вещь: недостаточно знать разницу между правильным и неправильным, нужно уметь сопереживать другим людям, другим живым существам. Без сопереживания знание разницы между правильным и неправильным будет чисто абстрактным и концептуальным и не обязательно повлияет на поведение.

Конечно, нельзя дать урок сопереживания, его нельзя сделать частью школьного расписания. Здесь снова важен пример родителей. Детей можно научить сопереживать другим людям и также животным, научить понимать, что животные чувствуют боль точно так же, как и они сами. В Палийском каноне описывается случай, когда Будда видит, что мальчики мучают ворону, и говорит им: «Если бы вас мучили подобным образом, что бы вы почувствовали?» Конечно, они ответили, что им бы это не понравилось. И Будда сказал: «Что ж, если вы почувствовали бы боль, обращайся кто-то с вами подобным образом, не думаете ли вы, что вороне тоже больно?» И они были вынуждены признать, что да, ей больно. Другими словами, они начали сопереживать вороне⁷⁴.

В очень известной серии гравюр Хогарта под названием «Четыре степени жестокости» первая из гравюр изображает мальчишек, мучающих собаку и кошку. На следующем этапе один из мальчишек совершает убийство. На третьем этапе юношу, который совершил убийство, вешают, а на последнем этапе его тело расчленяют врачи. Хогарт как бы говорит, что эта жизнь, полная жестокости, заканчивается тем, что повешенный становится выражением самой жестокости, а начинается с мучения животных, с недостатка сопереживания к другим живым существам.

Некоторые люди настолько чувствительны, что они сопереживают даже растениям, и им не нравится рвать цветы, потому что они ощущают, что растению в некотором смысле наносится рана. Не все могут сопереживать до такой степени, но мы должны, по крайней мере, сопереживать животным и другим людям. Это одна из самых важных вещей, которым мы должны научить наших детей.

15. Не вините себя, если совершаете ошибки

Быть родителем нелегко. Хотя у меня и нет детей, я знаю это очень хорошо, потому что иногда родители доверяют мне свои проблемы, а я стремлюсь оставаться открытым к тому, что вижу и слышу. Быть родителем очень сложно, будь вы мать или отец, – и сейчас еще сложнее, чем раньше, по крайней мере, в некоторых отношениях. Перед вами так много вариантов, вы должны принимать так много решений, не имея возможности узнать все, что важно в данной ситуации. И все может пойти не так, несмотря на ваши благие намерения.

И, кроме того, дети – это индивидуальные существа. Они приносят с собой свою собственную карму. Вы можете прекрасно воспитать своего ребенка, а он окажется чудовищем, вы можете воспитать его очень плохо, а он окажется хорошим человеком. Я видел такое, потому что живу достаточно долго, чтобы увидеть, как карма переходит от одного поколения к другому. Например, я знал детей, которых воспитывали очень плохо, но сами они стали очень хорошими родителями.

Поэтому карму нужно принимать в расчет. Помимо того, что у них есть хромосомы, ваши дети приносят с собой карму, и вы не знаете, что это за карма. Все может обернуться совсем не так, как вы ожидаете. А, кроме того, вы сами – человеческое существо, а людям свойственно ошибаться. Вы не всеведущи. Может быть, вам не стоит рассказывать об этом слишком рано своим детям, но даже родители не знают всего и совершают ошибки.

Если вы действительно сделали для своих детей все возможное и на каждом этапе сделали то, что в то время казалось вам лучшим решением, то если все, по-видимому, пошло не так, попытайтесь извлечь из этого урок, но не слишком обвиняйте себя в этом. Не вините себя. Если позже в своей жизни ваш ребенок совершит что-нибудь ужасное, не мучайте себя. Не думайте, что, если бы вы только не сделали того или иного, все обернулось бы по-другому. Вы не можете этого знать. Вы не можете это выяснить. Вы просто должны делать все, что в ваших силах, в настоящем, здесь и сейчас. Остальное – это карма, случай, обстоятельства, общество. Не вините себя, если выясняется, что вы совершили ошибку. И не слишком думайте о том, что то, что происходит, *происходит* из-за ваших ошибок. Может, это не так. Вы этого не знаете. Но в любом случае, не вините себя. В то время вы сделали все, что могли. Этого должно быть достаточно для вас и для других.

Некоторые родители чувствуют, что им нужно извиниться перед детьми за то, как они их воспитывали. Если вы сделали что-то определенно, безошибочно неверное, что, несомненно, заставило вашего ребенка страдать, – что ж, хорошо, скажите, что сожалеете об этом, когда ваш ребенок достаточно подрастет для того, чтобы это понять. Но помимо этого, помните, что как только ваши дети достигают сознательного возраста, они сами отвечают за свою жизнь. Если что-то идет не так, если ваши сын или дочь совершают какой-то неправильный поступок, они не должны обвинять в этом вас. Ваши дети отвечают за самих себя, так же, как и вы. Вы ответственны за них лишь в ограниченной степени и на протяжении ограниченного периода времени.

Это лишь некоторые вещи, которым, с точки зрения буддизма, нужно уделять внимание в отношениях между родителями и детьми. Надеюсь, не нужно напоминать вам о том, что все эти рассуждения нужно понимать, имея в виду общее представление о том, что в качестве родителя-буддиста вы должны относиться к своему ребенку с любовью и заботой. Все, что вы пытаетесь делать – включая те моменты, когда вам нужно применить дисциплину, – вы должны делать с этим духом любви.

Глава 14

Необходим ли гуру?

Второй вид отношений, которые «защищают шесть направлений», как Будда говорит Сигалаке, – это отношения между учеником и учителем. Здесь мы будем рассматривать в частности, отношения между учеником и духовным учителем, который часто понимается как «гуру». Но необходим ли гуру? Этот вопрос связан с некоторыми из наших прежних рассуждений о том, нужно ли жить духовной жизнью в контексте духовной общины. Этот вопрос, скорее всего, не приходил в голову Сигалаке или любому из его современников; в те времена первый вопрос, который задавали человеку, звучал как: «Кто твой учитель?», а не «Как ты считаешь, нужен ли учитель?»

Но этот вопрос рано или поздно неизбежно появляется у любого современного западного человека, который действительно пытается развиваться как личность, стать подлинно собой. В частности, он, скорее всего, возникает, если человек пытается целенаправленно и сознательно следовать тому, что мы обычно называем духовным путем, и становится еще более насущным, когда человек пытается следовать этому духовному пути в той или иной из восточных форм.

Однако, прежде чем мы обратимся к самому вопросу, мы должны избавиться от ореола вымышленных ассоциаций, которые связаны с магическим словом «гуру». Мы, к несчастью, должны развеять видение сияющей синевы небес, прекрасных заснеженных горных вершин и, над этой линией снегов, – уютных пещерок, в которых, как воображает большинство людей, естественно обитать этим редким созданиям, гуру. Мы должны спуститься на землю с этих недостижимых равнин Шангри-ла, на которых добрые и мудрые старцы с длинными белыми бородами и сияющими глазами передают секреты высочайших учений немногочисленным преданным ученикам. Мы должны безжалостно отказаться от любого представления о том, как эти удачливые ученики без усилий плывут к нирване силой того, что получили самые продвинутые техники от самого эзотерического держателя линии передачи.

Нам нужно подумать над этим вопросом о гуру как можно более трезво и по существу и попытаться понять, чем кем является гуру, а кем не является. На этой основе мы должны прояснить, в какой мере и в каком качестве необходим гуру, если он вообще необходим. Мы также должны рассмотреть, в каком отношении может быть уместно вступить в отношения с гуру.

Давайте начнем с рассмотрения того, кем не является гуру. Прежде всего, гуру – это не глава религиозной группы. Под религиозной группой я, конечно, имею в виду не духовное сообщество, а, скорее, ряд людей, не являющихся личностями и организованных в силовую структуру на основе формы или условностей какой-либо религиозной практики. Религиозные группы могут быть разными – секты, церкви, монастыри и так далее, – и у каждой из них есть глава. К таким главам другие члены группы относятся с глубоким почтением, но, скорее всего, в этой преданности есть некое смещение фокуса или фальшь. Их почитают не за то, кем они являются сами по себе, как личности, а за то, что они олицетворяют, представителями чего являются и даже что символизируют.

Может показаться очевидным, что они должны представлять или символизировать нечто духовное – и в каком-то поверхностном смысле так и есть. Но на самом деле они олицетворяют группу. Их первостепенное значение – в том, что они являются главой группы.

Это легко увидеть, когда этот вопрос оказывается в центре внимания: вам просто нужно подождать, пока главу группы не начнут критиковать или даже поносить, как неизбежно происходит со временем. Члены группы обычно чувствуют, что атака на главу группы – это нападение на них. Любое неуважение по отношению к главе группы извне группы толкуется членами группы как недостаток уважения к самой группе.

Будда отказывался так или иначе потворствовать подобному отношению среди своих последователей. В «Брахмаджала-сутте» «Дигха-никайи» рассказывается история о том, как Будда и огромное число его последователей однажды путешествовали пешком между Раджагахой и Наландой и встретились со странником по имени Суппия и его последователем, молодым человеком по имени Брахмадатта. Эти двое, в пределах слышимости Будды и его последователей, начали спорить и продолжали спорить, идя дальше. И предмет их спора, можно себе представить, должно быть, сильно расстроил некоторых из учеников Будды. Потому что Суппия, говорится в тексте, находил различные недостатки в Будде, Дхарме и Сангхе – хотя Брахмадатта столь же сильно восхвалял их. Все путешественники остановились на ночлег в одном и том же месте, и Суппия с Брахмадаттой все еще продолжали спорить.

Неудивительно, что на рассвете последователи Будды собрались вместе и начали беседовать между собой о поведении части их попутчиков, которое привело их в замешательство. Присоединившись к ним, Будда спросил, о чем они только что говорили, и они рассказали ему. Читая между строк, мы можем понять, что они были несколько расстроены и даже рассержены тем, что случилось. Но Будда сказал:

«Монахи, если кто-то говорит обо мне, Дхарме или Сангхе с пренебрежением, вам не стоит гневаться или расстраиваться из-за этого пренебрежения, это будет вам только помехой».

Но на этом Будда не остановился. Он сказал: «Если другие относятся ко мне, Дхарме или Сангхе с пренебрежением, а вы гневаетесь или расстраиваетесь, можете ли вы распознать, справедливо ли сказанное ими или нет?» И монахи должны были признать, что в таких обстоятельствах они бы были не в состоянии размышлять о подобных вещах объективно.

И Будда сказал: «Если другие относятся ко мне, Дхарме или Сангхе с пренебрежением, тогда вы должны объяснить, что то, что неправильно, – неправильно, сказав: «Это неправильно, это ложь, мы так не поступаем, среди нас этого нет»⁷⁵.

Если поразмышлять над этим случаем, мы понимаем, что Будда указывает своим ученикам на склонность, которая слишком свойственна нам как людям. Если бы они рассердились, они бы подумали, что их гнев возник потому, что Будду критикуют, но на самом деле гораздо более вероятно, что он возник, потому что группа, к которой они принадлежали, подверглась критике, и, следовательно, на самом деле, критиковали *их*. В таком положении ученик мог вполне почувствовать, что затрагивается его мудрость, выражающаяся в принадлежности этой группе и следовании человеку, которого критикуют.

Примеры такой чувствительности не ограничиваются Палийским каноном. Я встречал буддистов, которые рылись в книгах по сравнительному религиоведению, словарях по религии и философии и тому подобном, пытаясь найти в них неблагоприятные отзывы о буддизме. Когда они их обнаруживали, они списывались с издателями, собирали публичные встречи и организовывали протесты и демонстрации. Казалось, что эта короткая взбучка

несчастному человеку, ответственному за обидный комментарий, успокаивала их. Самый интересный аспект всей этой ситуации заключался в том, что эти буддисты, брызжущие и кипящие яростью, были абсолютно убеждены в том, что таким образом они демонстрируют свою преданность Дхарме. Однако на самом деле они выставляли напоказ свой групповой дух – то, что не имеет ничего общего с духовной жизнью или учением Будды.

Следовательно, гуру – это не глава религиозной группы. Он также не церковный иерарх, не кто-то, стоящий на более высоком уровне силовой структуры религиозной группы. Когда на Востоке куда-нибудь приезжает значительный религиозный деятель, ему иногда предшествует реклама, в которой говорится, что данный человек отвечает за важную группу монастырей или что он второй по важности человек в древнем храме с давней историей. Иногда в Индии говорят, что он просто очень богат. Однажды я был в Калькутте в то время, когда там делались приготовления к прибытию монаха из известного храма в Шри-Ланке, и старший монах того храма, в котором я остановился, сказал мне, что я должен пойти посмотреть на него, потому что это очень важный и влиятельный человек. Естественно, я спросил: «Чем он важен?» Старший монах ответил: «Он богатейший монах в Шри-Ланке». Именно поэтому, как ожидалось, я должен был пойти и выразить ему свое почтение.

Это крайний пример, но он символичен: ожидается, что нас должны впечатлять люди, стоящие выше в религиозной структуре, что мы должны относиться к ним как к гуру. Но гуру – это совсем не такая фигура. Человек, который важен для организации или пользуется влиянием, не становится от этого гуру.

Гуру – это также и не учитель. Это утверждение может удивить вас. Довольно легко понять, что гуру – это не глава религиозной группы, но многие думают, что духовный учитель – это как раз то, кем должен быть гуру. Но что подразумевается в виду под учителем? Учитель – это тот, кто передает информацию. Учитель географии дает нам факты и цифры о Земле, учитель психологии дает факты и цифры о человеческом уме. Точно так же, учитель религии может рассказывать нам общую историю всех различных религий мира или же теологию или систему вероучения отдельной религии. Но гуру как таковой не учит религии. На самом деле, вообще не обязательно, чтобы он или она чему-то учили.

Люди могут задавать вопросы, и гуру может отвечать на эти вопросы – делает ли он это или нет, зависит от него. Но он не обязательно должен быть заинтересован в том, чтобы учить. Если никто не задает ему вопросов, он, вероятно, не будет затруднять себя разговорами. Сам Будда показал это вполне очевидно. Как отмечается в нескольких местах Палийского канона, он утверждал, что у него нет *диттхи* – нет воззрения, нет философии, нет системы мышления. «Есть множество других учителей, – говорит он, – у которых есть система мыслей, и они ее излагают, или философия, и они ей обучают, но у меня нет. У меня нет воззрения, чтобы передать его вам. Татхагата (Будда) свободен от воззрений, свободен от доктрин, свободен от философии»⁷⁶.

Помимо Палийского канона, в дальнейшем также упоминается, что Будда говорил, что у него нет Дхармы, которую он мог бы передать. Великая «Лотосовая сутра» описывает, как бесконечные Бодхисаттвы и ученики сидели перед Буддой и ждали, когда Будда начнет учить их Дхарме. Но Будда сказал им: «Мне нечему учить»⁷⁷. В другом прославленном тексте Махаяны, «Ланкаватара-сутре», Будда заходит так далеко, что утверждает, что никогда ничему не учил: «Слышали ли вы мою речь или нет, истина в том, что с ночи моего Просветления и все это время, сорок пять лет, до самой ночи моей паринирваны, ночи моего

ухода из мира, я не произнес ни единого слова»⁷⁸. Значит, у Будды, высшего буддийского гуру, нет воззрения, нет учения, которое он мог бы передать. Он не учитель.

Еще одно, кем не является гуру, имеет отношение к одному из наиболее поразительных фактов, касающихся человеческой расы в целом, который заключается в том, что большинство ее членов вообще не растут. Конечно, люди развиваются физически и также интеллектуально, в том смысле, что они учатся, как все более понятно организовывать свои знания. Но они не растут духовно и даже эмоционально. Многие люди остаются эмоционально незрелыми, даже инфантильными. Они хотят зависеть от кого-то более сильного, чем они сами, кого-то, кто готов любить и защищать их абсолютно и безусловно. Они на самом деле не хотят отвечать за самих себя. Они хотят, чтобы какой-нибудь авторитетный человек или система принимали решения за них.

Когда человек мал, он зависит от родителей, но, когда он становится старше, ему обычно приходится искать им заменителей. Многие люди находят такой заменитель в романтических отношениях, и это одна из причин, почему так популярны и так сложны браки. Другие видят заменитель родителя в представлении о персонифицированном Боге. Можно даже вслед за Фрейдом сказать, что Бог – это заменитель отца в космических масштабах. Верующий ожидает от Бога такой любви и защиты, какой ребенок ожидает от своих родителей. Знаменательно, что в христианстве к Богу обращаются как к «нашему Отцу».

Роль заменителя отца часто играет гуру – или, скорее, псевдо-гуру. Махатма Ганди, например, был великим индийским политиком, мыслителем, активистом и даже революционером, но довольно знаменательно, что как к религиозному деятелю большинство его учеников обращалось к нему со словами «Бапу», «Отец». Не то чтобы такой титул был необычен для Индии. Когда я жил там, я общался с довольно большим числом религиозных групп и их гуру, многие из которых любили, когда к ним обращались со словами «Дададжи», или «Дедушка». Казалось, их ученики с радостью выполняли их пожелания в этом отношении.

Это забавляло меня, и, когда я жил в Калимпонге, и у меня были свои ученики – большинство из них непальцы, а не индийцы – я из любопытства спросил их, как они называют меня. В то время мне было около тридцати, а им было чуть больше или меньше двадцати, поэтому, когда они сложили ладони и сказали с большим рвением: «О, сэр, вы нам как дедушка», – это меня очень удивило.

В Индии я также познакомился с несколькими гуру-женщинами, и к ним непременно обращались со словами «Матаджи», «Мать», или даже «Ма», что значит «мамочка»⁷⁹. Одна из этих гуру, средних лет в то время, когда я ее впервые встретил, была окружена юными последователями-мужчинами, большинство из которых, как я узнал позже, потеряли своих матерей. По вечерам они собирались в зале, сидели, уставившись на «мамочку» и пели хором слово «Ма» – только одно это слово, мамочка – под аккомпанемент барабанов и тарелок. Каждый раз это продолжалось два-три часа: «Ма, ма, ма, ма...» Они верили, что то, что ни называли «маизмом» – совершенно новое направление в истории религии, и что почитание Матери – как бы то ни было, данной конкретной матери – будет будущей религией человечества. Я был совсем не удивлен, узнав, что среди ее учеников процветали борьба и ревность, как будто они оспаривало друг у друга место любимого, если не единственного, сына. Было также заметно, что они с пренебрежением относятся к другим группам. Точно так

же, как дети говорят: «Мой папочка намного сильнее/богаче, чем твой» или «Наш дом больше вашего», – они утверждали, что по сравнению с их собственным гуру другие гуру ничтожны.

К счастью, я знал других гуру, которые знали, как поддерживать у своих учеников гораздо более здоровое состояние – особенно некоторых тибетских гуру. История о трех великих ламах, которых я знал лично в Калимпонге, служит этому примером. Все трое были важными ламами глубокой и подлинной духовной традиции, и у каждого было множество учеников. Хотя все они главным образом принадлежали к традиции «красношапочников», их характеры были совершенно разными. Один носил овечью шкуру, покрашенную в красный цвет, и всегда был в движении, так что его трудно было застать. Другой жил с женой и сыном и давал посвящения тысячам людей – как говорили, особенно могущественные посвящения. Третий был ученым и главой важного монастыря.

Эту историю мне рассказал один из их учеников – у них было много общих учеников. Однажды между учениками возник спор относительно того, кто из трех гуру – самый великий. В конце концов, один из смельчаков набрался храбрости и подошел к гуру. Он сказал: «Мы долго спорили по поводу того, как вы сами расположите себя по отношению друг к другу. Мы все относимся к вам троим с величайшим почтением, но мы были бы благодарны, если бы вы прояснили нам этот вопрос. Кто из вас величайший? Кто продвинулся дальше всех? Кто ближе всего к нирване?» Гуру улыбнулся и сказал: «Хорошо, я скажу тебе. Правда, что среди нас троих есть тот, кто гораздо более развит, чем два остальных. Но никто из вас никогда не узнает, кто это».

Настоящий гуру не играет роли отцовской фигуры. Это не означает, что людям не нужны заменители отца, по крайней мере, на какое-то время. Такая проекция может быть необходимой для их психологического развития. Можно также предположить, что функция гуру аналогична функции настоящего отца: гуру выполняет ту же функцию на духовном уровне, которую настоящий отец выполняет на обычном человеческом уровне. Но гуру – это не заменитель отца там, где отца не хватало или он все еще требуется.

Нельзя принимать гуру и за того, кто решает проблемы. Это приводит нас к различию, которое я провожу между проблемой и трудностью. Разница в том, что трудность можно преодолеть или разрешить, приложив усилия, в то время как проблему нельзя. Если вы прикладываете много усилий к тому, что я называю проблемой, она становится еще более проблемной. Это подобно тому, как если бы обнаружили узел на куске веревки и тянули за оба конца, чтобы развязать его. Можно тянуть как угодно сильно, но вы добьетесь только того, что больше затянете узел. Подлинный гуру может помочь людям преодолеть их трудности, но не будет и пытаться бороться с их проблемами.

Есть два основных вида проблем: проблемы с вероучением и личные, обычно психологические, проблемы. Проблемы западных людей – чаще всего второго типа, в то время как на Востоке проблемы часто касаются вероучения – люди хотят разрешить технические вопросы, связанные с нирваной, скандхами, самскарами и так далее. Однако даже такие проблемы, связанные с вероучением, очень часто психологически мотивированы или, по крайней мере, психологически ориентированы. Человек задает даже самые абстрактные теоретические вопросы, в конечном счете, по личным психологическим причинам, хотя обычно и не осознает этого.

Если у вас есть проблема, она воплощает внутренне противоречивую ситуацию: ее нельзя решить как таковую. Но если вы приходите с ней к своему гуру, вы на самом деле

просите его или ее решить проблему как таковую. Например, приходит женщина в великом горе, такая расстроенная, что едва может говорить. Мало-помалу она рассказывает своему гуру, что просто не может жить больше со своим мужем. Она устала. Если ей и дальше придется с этим мириться, она сойдет с ума. Она должна покинуть его. Но проблема в том, что, если она бросит мужа, ей придется бросить и детей, потому что их нельзя забрать у отца, а покинуть детей также невозможно, как и продолжать жить с мужем. Она сойдет с ума, если ей придется остаться с мужем, но также сойдет с ума, если ей придется покинуть детей. «Что мне делать?» – с надеждой спрашивает она у гуру.

Затем приходит кто-то еще и жалуется на недостаток энергии. «Я постоянно устаю, – говорит он. – Я чувствую себя измученным все время, постоянно чувствую упадок сил, я совершенно разбит. Я не могу ничего сделать. Меня больше ничего не интересует: я просто лежу весь день, как хромая, мокрая развалина. Я могу немного посмотреть телевизор или послушать радио, и все. Я чувствую себя в буквальном смысле изможденным все время. Я знаю, что только одно может мне помочь: медитация. Я могу обрести энергию посредством медитации – я в этом убежден». И гуру говорит: «Тогда почему ты не медитируешь?» И несчастный ученик отвечает устало: «У меня нет на это сил».

Но если гуру приходится отослать такого человека, оставив его проблему нерешенной, появятся и новые проблемы, ждущие своего часа. Еще один пример – приходит человек и говорит, что просто хочет быть счастливым. Это все, чего он просит от жизни. И он чувствует, что был бы совершенно счастлив, если только кто-нибудь назвал бы ему удовлетворительную причину для того, чтобы быть счастливым. Он перепробовал все доводы, предлагаемые религиями, философиями и друзьями, но ни один из них не показался ему действительно убедительным. Может ли гуру предложить что-нибудь получше? Если у кого-то и есть ответ, то точно у гуру. Несомненно, гуру даст ответы на большие проблемы. Конечно, гуру хорошо знает, что каждый довод, который он может привести, будет отвернут как неудовлетворительный. Но, тем не менее, человек требует довода.

Если спросить любого из этих людей, чего они действительно ищут, все они ответили бы, что хотят найти решение своей проблемы. Именно поэтому они пришли к гуру. Они твердо верят, что он может решить их проблемы, если только пожелает. Но на самом деле все совсем не так. На самом деле все, чего хотят эти люди, – поражения гуру. Они преподносят свою проблему в таком виде, что гуру не может решить ее без их разрешения или сотрудничества – а соглашаться на это у них намерения нет.

Иногда такие люди очень хитры. Особенно на Востоке они часто подходят к гуру, выказывая ему великое почтение и смирение, приносят подарки, делают подношения, кланяются и провозглашают, что нерушимо верят в гуру. Они говорят: «Я приходил с этой проблемой ко многим гуру, к самым известным учителям и мастерам, и ни один из них не смог решить ее. Но я так много слышал о вас, и я уверен, что вы тот человек, который это сможет».

Только тот гуру, которому недостает опыта, или тот, кто не является подлинным гуру, примет это за чистую монету. Подлинный гуру сразу увидит, что происходит, и откажется играть роль того, кто разрешает проблемы, даже если, а это весьма вероятно, человек с проблемой уйдет восвояси недовольным и начнет говорить, что этот гуру не может быть подлинным гуру, потому что у него нет практического сострадания, чтобы работать с проблемами учеников. Некоторые гуру пользуются довольно сомнительной репутацией,

потому что отказываются играть в подобные игры.

Итак, гуру – не глава религиозной группы, не учитель, не заместитель отца и не тот человек, который решает любые проблемы. Это не означает, что время от времени он не может действовать в таких функциях, как и во многих других. Гуру, например, может играть роль врача, психотерапевта, художника, поэта, музыканта или даже просто друга. Но он не станет отождествлять себя ни с одной из этих ролей.

Гуру может быть главой религиозной группы, хотя это случается редко, потому что качества, которые делают человека гуру, – это не те качества, которые способствуют продвижению внутри церковной системы. Гораздо более часто, особенно в буддийской сангхе, гуру может быть учителем – то есть может действовать внешне как учитель. Гуру может даже действовать как временный заместитель отца или тот, кто решает проблемы, но здесь важно подчеркнуть слово «временный». Как только будет возможно, он откажется от этой роли и будет действовать как гуру.

Но если гуру – ни одна из этих ролей, тогда кто такой гуру? Кто-то сказал, что есть много способов поступать дурно и лишь один способ поступать хорошо (что в глазах некоторых людей делает добро довольно скучным). Можно также сказать, что есть много неправильных мнений относительно гуру и лишь одно верное. Поэтому можно сказать многое о том, кем не является гуру, но сравнительно мало – о том, кем он или она определенно являются. Конечно, это не означает, что это менее важно. На самом деле, с духовной точки зрения, чем важнее вещь, тем меньше можно о ней сказать.

Возможно, прежде всего гуру – это тот, кто находится на более высоком уровне существования и сознания, чем мы сами, кто достиг более высокой степени эволюции, более развит, одним словом, более осознан. Помимо того, гуру – это некто, с кем мы находимся в постоянном контакте. Этот контакт может происходить на разных уровнях. Это может происходить на высоком духовном плане – то есть телепатически, как прямой контакт между умами. Это может быть контакт гуру и ученика во снах или во время медитации. Но для обычного ученика это обычно происходит на физическом уровне – то есть, на обычном социальном уровне, обычным способом. Относительно неразвитому ученику может потребоваться постоянный и частый физический контакт с гуру. Согласно восточной традиции, в идеале это общение должно быть ежедневным, гуру и ученик могут даже жить под одной крышей.

Контакт между гуру и учеником должен быть «экзистенциальным» – то есть между ними должно быть реальное общение, а не просто обмен мыслями, идеями, ощущениями или переживаниями, даже духовными переживаниями, но сущностное общение, даже, если хотите, сущностное действие и взаимодействие. Гуру и ученику нужно быть подлинными, насколько это возможно, по отношению друг к другу. Задача гуру – не в том, чтобы чему-то научить ученика, а в том, чтобы просто быть собой в отношении к ученику. А задача вас как ученика – не в том, чтобы учиться. Вы просто должны открыть свою суть – открыться до самой глубины – перед гуру и в то же время быть собой по отношению к нему.

Духовное общение, подобно объединению, может быть двух видов – «горизонтальное» и «вертикальное». Горизонтальное общение имеет место между двумя людьми, которые находятся примерно на одном уровне существования и сознания. Поскольку состояния ума меняются день ото дня, иногда один человек находится в лучшем состоянии ума, чем другой, а на следующий день все может быть наоборот. Вертикальное общение, напротив, имеет

место между людьми, один из которых находится на значительно более высоком уровне, чем другой, даже если принимать в расчет эти взлеты и падения. Именно такое вертикальное общение имеет место между гуру и учеником.

В любом общении, будь оно горизонтальным или вертикальным, происходят глубинные внутренние изменения. В случае с горизонтальным общением в процессе общения корректируется все, что было одностороннего или несбалансированного в природе человека. Люди, которые действительно общаются, постепенно становятся похожи друг на друга даже внешне, они одинаково реагируют на вещи, у них становится все больше общего. В то же самое время, как бы парадоксально это не звучало, они становятся более подлинными, близкими к самим себе.

Предположим, например, что очень рассудительный человек вовлекается в подлинное общение с очень эмоциональным человеком. Если они поддерживают это общение довольно долго, эмоциональный человек становится более рассудительным, а рассудительный – более эмоциональным, поскольку каждый из них притирается к другому. В то же самое время, если вы рассудительны (как в этом примере), эмоциональность не просто добавляется в вас извне. Общаясь с эмоциональным человеком, вы обретаете способность развить свою собственную неразвитую эмоциональность, которая, так сказать, присутствовала в глубине вас все это время. Качество, которое в вас развивается, уже присутствовало, но не проявлялось. Общение просто позволило вам стать собой в большей мере, стать более целостным, более полным. То же самое, несомненно, происходит, если в этой паре вы тот, кто эмоционален.

Вертикальное общение строится по-другому. Ученик растет в направлении, заданном высшим уровнем бытия и сознания гуру, но гуру не становится соответственно похожим на ученика. Принцип взаимного сущностного изменения не означает, что гуру соскальзывает в своем развитии в результате этого общения с тем, кто менее развит. Он не встречает ученика, так сказать, на полпути. Находясь в центре напряженного общения с гуру, ученик в каком-то смысле вынужден развиваться. У него нет выбора, если только он не разорвет эти отношения совсем, а подлинный ученик не может сделать и этого. Говорится, что подлинный ученик подобен щенку бульдога. Когда ему суют полотенце, щенок хватается за него и не отпускает: даже если его поднимут над землей, его клыки все еще будут держать полотенце. Подлинный ученик обладает подобной цепкостью.

В результате такого вертикального общения с учеником гуру также вырастает духовно. Единственный гуру, с которым этого не происходит, – Будда, полностью и совершенно просветленный, но даже среди гуру будды чрезвычайно редки. Иногда в тантрических кругах говорят, что ученики необходимы для дальнейшего развития гуру, что ничто не может так помочь гуру, как по-настоящему хороший ученик – не послушный, прилежный ученик, а тот, кто действительно участвует в общении, кто действительно пытается расти. Хороший ученик может доставлять гуру много беспокойства, иногда больше, чем все остальные ученики, взятые вместе. Иногда также случается, что ученик превосходит гуру, и происходит смена ролей. Эта ситуация несет в себе меньше проблем, чем может показаться извне, потому что эти отношения основаны не на авторитете или власти, но на любви и дружбе.

Так нужен ли гуру? Что ж, расти духовно без гуру чрезвычайно сложно. Обобщая, можно сказать, что у большинства людей духовного роста не происходит без присутствия, по крайней мере, двух факторов: опыта страдания и контакта с более развитым человеком или людьми. Почему? Потому что личные отношения и реальное общение необходимы для

человеческого развития. Нам нужно не только реальное общение, которое включает вертикальный элемент. Общаясь со своими друзьями, мы развиваемся горизонтально – становимся более целостными, более подлинными. Но большинству людей, по-видимому, необходимо общение с гуру, чтобы суметь подняться на более высокий уровень существования и сознания. Как ребенок становится взрослым главным образом в результате общения со своими родителями, так и регулярный контакт с хотя бы одним человеком, более развитым, чем мы, необходим для нашего духовного развития. Не то чтобы продвижение без контакта с таким человеком абсолютно невозможно, но такой контакт, несомненно, ускоряет и углубляет процесс в целом.

Но если гуру необходим, как его выбрать? Как узнать, развит ли человек больше, чем вы? Очевидно, что в этом случае важно не допустить ошибки. Проблема действительно очень сложна, потому что очень трудно узнать, на самом ли деле человек более развит, чем ты, – вероятно, это вообще невозможно без длительного общения. Некоторые гуру на Востоке не только говорят, что ученик не может выбрать гуру, но и что считать себя способным на это или знать, что кто-то более развит, чем он сам, – довольно дерзко для ученика. Они говорят, что на самом деле гуру выбирает ученика. Вы можете считать, что выбрали гуру, но на самом деле единственный выбор, который вы способны сделать, – это выбор религиозной группы (с гуру во главе) или религиозного учителя, или заместителя отца и того, кто решит ваши проблемы. Вы не выбираете гуру, как такового, потому что вы не способны увидеть, кто обладает большими духовными достижениями.

Что же вы можете сделать, как будущий ученик? Все, что вы можете сделать, – как можно дальше продвинуться самостоятельно, чтобы вы распознали духовное сообщество (в отличие от религиозной группы) и вступили с ним в контакт. Затем вы должны надеяться, что какой-нибудь член этого сообщества отнесется к вам по-дружески или отправит к кому-то еще, кто может это сделать. В любом случае, вы должны всегда быть готовы и восприимчивы к появлению гуру.

Иногда гуру просто хватается вас за шкуру, так сказать. Может, вы и не задумывались о духовной жизни, совсем не интересовались религией, у вас не было проблем, вы были и так вполне счастливы, но гуру видит ваш потенциал и хватается вас, несмотря ни на что – делает вас учеником, не обращая внимания на ваши протесты.

Есть известная история о том, как сам Будда нашел ученика таким безапелляционным способом. Объектом воздействия, так сказать, был его собственный кузен, молодой человек по имени Нанда, которому дали прозвище Сундарананда или «Красавец Нанда»⁸⁰. Это случилось, когда Нанда женился на очень красивой девушке, и Будду, по всей видимости, пригласили на свадебный пир. Будда протянул свою чашу для подаяний, и его обслужили вместе с остальными, а затем, после пира, он собрался идти назад в лесную чашу. Позвав Нанду, он сказал: «Нанда, согласишься ли ты немного понести за меня мою чашу?» И, поскольку Нанде было очень приятно, что его прославленный родственник почтил его особым вниманием, он последовал за Буддой, неся его чашу.

В то время как Будда спокойно шел вперед, Нанда шел за ним менее спокойно, потому что то и дело оглядывался на махавшую ему рукой новобрачную, зачарованный длинными сияющими прядями ее волос. Через несколько сотен метров он понял, что все глубже и глубже заходит в лес. Он почувствовал легкое беспокойство, поскольку слышал разные странные истории о своем кузене. Пройдя по лесу около мили, он на самом деле начал

беспокоиться, но он слишком благоговел перед Буддой, чтобы произнести хоть слово, поэтому просто брел за ним, все еще сжимая в руках чашу для подаяний. Миллю за милей они проходили так, пока, наконец, не вышли на поляну, где увидели выстроенные по кругу хижины, в которых обитала группа последователей Будды.

Не тратя времени на предисловия, Будда забрал чашу для подаяний у кузена – тот к тому времени весь дрожал от страха и замешательства – и повелел другим монахам даровать ему посвящение. Они схватили Нанду, силой поставили его на колени, побрили ему голову и сорвали с него его белые одежды, выдав ему взамен желтое одеяние. В конце концов, ему дали наставления в правилах монашеской общины и научили, как медитировать, а затем оставили его сидеть и осознавать случившееся под деревом.

Однако история закончилась благополучно для Нанды, поскольку после всех последующих испытаний он однажды стал Архатом, Просветленным. Значит, гуру может себе позволить, если знает, что делает, буквально похитить кого-то – это радикальный пример основного принципа, который заключается в том, что именно гуру выбирает ученика, а не наоборот.

В некотором смысле, гуру нельзя переоценить. Ничто не может быть более ценным, чем человек, который помогает вам развиваться духовно. И все же, справедливо говорят, что на Востоке роль гуру часто в некотором смысле переоценивается, в то время как на Западе она обычно недооценивается. На Востоке может случиться так, что гуру придает ложная и преувеличенная ценность. Люди в Индии иногда говорят, что гуру – это Бог. Это утверждение – не просто фигура речи, они понимают его вполне буквально. Если вы сидите перед учителем, вы не просто смотрите на человеческое существо, сидя на подушке на полу. Вы сидите перед Богом – на самом деле, перед всеми богами, собранными в одном, всемогущем и всезнающем. Он может выглядеть как обычное человеческое существо, но он знает все, что происходит в целой вселенной, включая все, что происходит в вашем уме. Он может читать ваши мысли как открытую книгу. Если у вас проблема, вам не придется о ней рассказывать – он уже все знает. Он может сделать все, что захочет. Он может благословить нас, наделить вас богатством, продвижением по службе, славой, детьми, и все это – лишь одним словом благословения. Он может даровать вам Просветление, если пожелает. Все в его в руках – все «в милости гуру», как они говорят.

Все, что должен предложить гуру ученик – свою веру, веру в то, что гуру – Бог. Если только у ученика достаточно такой веры, гуру может сотворить с ним чудеса. Следовательно, такой вере уделяется наиважнейшее значение. Конечно, иногда возникают небольшие трудности. Иногда выясняется, что гуру не знает чего-то или забывает что-то, что вы ему сказали, и вас может это расстроить. Но настоящий ученик совсем не беспокоится по этому поводу, поскольку знает, что эти видимые человеческие ограничения и недостатки – испытания веры. Гуру только притворяется, что ошибается, чтобы проверить, по-прежнему ли крепка и устойчива ваша вера, точно так же, как гончар стучит по горшку после обжига, чтобы проверить, не треснул ли он.

Неудивительно, что с годами ученик все больше сживается с воображаемым миром, в котором все, что происходит, случается по «милости» гуру и по его воле. Если гуру недостаточно осторожен, он тоже может погрузиться в этот мир фантазий, особенно если это ненастоящий гуру. В конце концов, не так уж легко избежать этого мира фантазий, когда ты сам – в его центре. Если кто-то приходит и говорит тебе, что его ребенок был болен и теперь

поправился силой твоего благословения, вероятно, вам не захочется оспаривать подобное толкование, даже если вы и секунды не вспоминали об этом ребенке.

Проблема с точки зрения гуру заключается в том, что рано или поздно некоторым из его самых восприимчивых учеников придет в голову, что на самом деле он не Бог. Хотя он, возможно, и обладает глубоким уровнем проникновения и духовного опыта, у него все же есть вполне человеческие ограничения. Увидев это, ученики, скорее всего, придут к выводу, что он не настоящий гуру, не тот, кто *является* Богом. Если так случится, подобное будет повторяться снова и снова. Они начнут замечать малейшие расхождения, лишатся иллюзий и увидят, что гуру, в конце концов, тоже – «всего лишь» человеческое существо. И все завертится по кругу.

До некоторой степени это происходит и среди буддистов. Мой тибетский друг, лама и гуру, живущий в Калимпонге, вспоминал, что, когда он впервые приехал туда, местные буддисты-непальцы толпами собирались, чтобы увидеть его, приносили ему чудесные подношения и жадно желали получить от него посвящение. Но спустя несколько лет он им немного надоел. Они продолжали приходить и выражать ему свое почтение, но его удивило, что они больше не приносили ему таких роскошных подношений, как прежде. Затем появился новый лама (друг первого), и все бросили моего друга ради того, чтобы получить новые посвящения от нового ламы – к удивлению обоих. Со временем, когда китайские коммунисты захватили власть в Тибете, в город начали прибывать все новые и новые ламы, что ошеломило местную общественность. Как только они обнаруживали чрезвычайно могущественного гуру и бросались делать ему подношения, прибывал другой, который – согласно некоторым сведениям – оказывался еще более влиятельным и прославленным. В конце концов, им пришлось метаться между примерно двадцатью гуру, выискивая «настоящего».

Несомненно, в этом смысле роль гуру на Востоке переоценивается, поскольку к нему относятся как к идеализированной отцовской фигуре – всезнающей, всемогущей, бесконечно любящей и терпеливой. В таких условиях ученик стремится относиться к гуру с инфантильной зависимостью. Гуру обычно очень популярны в Индии, но от них требуют лишь одного: они должны всегда быть добрыми и любящими, говорить мягко и обладать благородными манерами. Чему они учат и как они живут, – по сравнению с этим вопрос, не имеющий отношения к делу.

На Западе мы обычно вдаемся в противоположную крайность. Мы, вместо того, чтобы переоценивать роль гуру, вряд ли вообще имеем представление о том, кто это такой. Без сомнения, это главным образом происходит из-за влияния христианства. С одной стороны, вы верите в Бога со всеми его различными качествами, а с другой стороны – вы подчиняетесь главе определенной религиозной группы, к которой вы принадлежите, вашему церковному патриарху. Но для гуру в подлинном смысле этого слова не остается места.

Гуру, которые на самом деле появляются, – их иногда называют святыми – обычно подчинены правилам церковных властей. В средневековье даже великим святым иногда приходилось подчиняться плохому папе. Возможно, это не наносило большого вреда святому, но это было плохо для папы и для церкви в целом. Однако не нужно воображать, что христианская традиция – единственная, которую знал Запад. Не стоит принимать и допускать, что представление о гуру в восточном понимании этого слова чуждо западной ментальности. Свои гуру, несомненно, были в Древней Греции и Риме – например, Платон,

который создал свою школу или академию, Пифагор, которые основывал духовные общины, Аполлоний Тианский и, возможно, прежде всего, Плотин.

В жизнеописании Плотина, составленного Порфирием, и в особенности в описании его последних лет в Риме, мы можем узнать несомненные черты своего рода духовной общины, больше напоминающей индийский ашрам, чем те организации, которые мы можем считать характерными для поздней Римской империи⁸¹.

Подобные великие личности античности были гуру в подлинном смысле этого слова. И в последнее время, в пост-христианскую эпоху, есть знаки того, что гуру снова начинают цениться по достоинству на Западе, несмотря на наши демократические и эгалитарные предрассудки и современную веру в то, что нельзя считать одного человека лучше, чем другой. Даже в современных культурах, столь очевидно враждебных к возможности духовного развития, есть знаки того, что люди начинают ценить значение тех, кто достиг более высокого развития, чем средний человек.

Возможно, такие люди не оцениваются с точки зрения духовности, гораздо чаще их восхваляют как гениев или героев. Примечательное явление в США – личность гуру-ученого, который ездит из одного университетского городка в другой и собирает толпы студентов на свои лекции. Молодые люди, которые, возможно, совсем не интересуются гуру, начинают ощущать или даже вполне сознательно понимать, что немного можно получить через книги, что общепринятые ценности религии, политики и даже искусств мало что говорят им. Поэтому они ищут своего рода фигуру гуру. Они хотят, чтобы их учил тот, кто мудрее их самих, на кого они могут смотреть снизу вверх, кто прольет свет и даст им руководство на этом пути. Можно привести несколько очевидных примеров этого явления из шестидесятых – Букминстер Фуллер, Аллен Гинзберг, Тимоти Лири и Ричард Олперт, который пошел дальше и стал гуру во вполне восточном смысле этого слова, под именем Баба Рам Дасс. Сегодня «гуру» – распространенная черта западной интеллектуальной жизни.

Будучи буддистами, мы должны следовать срединному пути. Мы должны, прежде всего, признать, что мы способны развиваться из нашего нынешнего состояния существования и сознания до более развитой степени самосознания и даже до осознания запредельного сознания, ведущего к тому, что, будучи не способны понять это, мы можем лишь назвать абсолютным сознанием. Для того, чтобы добиться этого, нам нужно также признать, что разные человеческие существа находятся на различных уровнях этого великого процесса духовного развития. Некоторые находят ниже, чем мы, а другие – выше, иногда намного выше. Нам нужно признать, что те, кто находятся выше на этой шкале эволюции человечества, могут помочь нам, а мы можем развиваться посредством общения с ними. Именно гуру в этом смысле мы должны признать высшими по отношению к нам. Гуру, которые нам не нужны, – это те, ценность которых мы нереалистично преувеличиваем, на которых мы проецируем наше желание обрести фигуру идеального отца. Большая ошибка – ожидать от гуру того, что мы можем получить, в конечном итоге, лишь от себя самих.

Будда не просил никого относиться к нему как к божеству или как к Богу. Он никогда не просил никого верить – и тем более абсолютно верить – в него. На самом деле, это очень важный аспект буддизма. Будда никогда не говорил: «Вы должны верить в меня и верить в то, что я говорю, если хотите спастись или реализовать свою собственную истинную природу». В буддийских писаниях снова и снова упоминается, что он говорил: «Пусть любой разумный человек придет ко мне, любой, кто хочет учиться, и я научу его Дхарме»⁸². Все, чего он

просит, – чтобы мы были разумны и обладали открытым умом. По-видимому, он был вполне убежден, что может познакомить любого с духовной жизнью, делая упор не на абсолютную веру и преданность, а на чисто рациональные средства и опыт. Пользуясь лишь ими, он мог пробудить любого к истине о том, что путь Просветления – это самое достойное, чему мы можем посвятить себя как человеческие существа.

Глава 15

Верность

Калимпонг расположен у подножия Гималаев в штате Западная Бенгалия, на четырех тысячах футов над уровнем моря. Здесь я прожил большую часть времени, проведенного в Индии, на протяжении четырнадцати лет почти ежедневно имея возможность видеть снега Гималаев. Калимпонг был и, хотя и в меньшей степени, все еще остается вдаль от избитых маршрутов. Тем не менее, за эти годы у меня было множество посетителей. Поначалу они приезжали из не слишком отдаленных мест – Дарджилинга, Калькутты и других частей Индии, но со временем ко мне регулярно стали наведываться посетители из Европы, Америки и Австралии.

Некоторые из этих посетителей, как из Индии, так и из-за границы, оставляли после себя сильное впечатление, но немногие – столь же сильное, как один старый панджаби, который приехал из города Вардха, расположенного в самом центре Индии. Он многие годы был буддийским монахом, но в Индии был больше известен как журналист-индиец. Он часто приезжал в Калимпонг, и, будучи в городе, непременно приходил ко мне с визитом.

У него была одна черта, которая отличала его от подавляющего большинства его сограждан. Большинство индийцев склонны избегать любых физических нагрузок, но он любил вечерние прогулки и неизменно придерживался этой части своего распорядка дня, когда бывал в Калимпонге. Помимо вечерних прогулок, он также любил поговорить, и лучше всего, если ему удавалось совместить эти два вида деятельности. Но, бродя по Калимпонгу в попытках найти компанию для своих вечерних прогулок, он нашел немного желающих среди своих друзей-индийцев, и именно поэтому, поняв, что я не против прогулок, прибился ко мне. Он обычно подходил к моему дому около четырех-пяти часов вечера, и мы гуляли с ним по дорогам, петлявшим вокруг склона холма, час или два.

Со временем я стал ждать этих прогулок, поскольку он был интересным собеседником с неиссякаемым запасом анекдотов и мнений. Он совсем не был похож на смиренного монаха (для меня было тайной, почему он вообще стал бхиккху), но нужно только представить себе, как человек пятидесяти с небольшим лет, в желтом одеянии, с бритой головой, идет с тростью в руке и постоянно говорит.

От него я набирался информации об общественной жизни и политике Индии, о новых веяниях в индийском буддизме и буддийской политике, о мире людей, которые говорят на хинди, и его литературе. Среди многочисленных увлекательных историй, рассказанных этим человеком, одна произвела на меня особенно сильное впечатление в то время. Она имеет отношение к тому, что случилось в Калькутте незадолго до его очередного визита в Калимпонг, и он заговорил о ней в первую нашу прогулку, когда эта история была еще свежа в его памяти.

Он услышал ее от человека, бывшего другом обоих задействованных в ней участников, которые учились в университете Калькутты. Центральная Калькутта – в некотором роде университетский город, в котором десятки тысяч молодых людей различного происхождения собраны вместе в качестве студентов. И, как иногда случается даже в приверженной традициям Индии, молодой человек и девушка, бенгальцы, занимавшиеся наукой, влюбились друг в друга. Они вместе ставили эксперименты в лаборатории, их глаза встретились над пробирками, и так уж случилось.

Но в Индии, как и в Вероне Шекспира, путь настоящей любви никогда не бывает гладким, потому что у настоящей любви нет официального разрешения. То, что иногда затейливо называют «свободной любовью», вряд ли вообще существует. В Индии браки заключаются не на небесах, они заключаются на земле родителями и прародителями, которые предусмотрительно выбирают человека, соответствующего вам по происхождению и, что самое важное, по касте, или, если быть точным, по данной разновидности касты. В случае с этой парой даже это основное требование не могло быть исполнено, поскольку им довелось родиться в разных кастах. Следовательно, не было и речи о том, чтобы их любовь закончилась браком. Нельзя было и представить себе, что станет возможным, чтобы родители согласились на этот брак, а без согласия родителей браки в Индии не заключают.

Что им было делать? Они чувствовали, что не смогут жить друг без друга, поэтому они договорились о самоубийстве. Они решили совершить самоубийство в одно и то же время, но по какой-то причине не могли сделать этого в одном и том же месте. В назначенный день, в назначенный час юноша выполнил свою часть договора и проглотил яд – но девушка не сделала ничего подобного. Печально, но на следующий день после самоубийства ее возлюбленного люди видели, как она смеялась и болтала с другими парнями, студентами колледжа.

Я никогда не испытывал ни к кому романтических чувств, но эта история отложилась в моем уме и отдавалась эхом, пока я не успокоился, превратив ее в рассказ, который я назвал «Преданность». Он вышел не слишком удачным, поэтому так и не был напечатан, но гораздо позже, уже в Англии, мне напомнили о том, что я услышал от своего друга на той прогулке вокруг Калимпонга, определенные ситуации в личных отношениях моих друзей – иногда людей, которых я посвящал, – которые отражали тему, если не драматическое завершение, той трагической цепи событий.

Именно эта история задает мне угол зрения, под которым я хочу рассмотреть третий из шести видов отношений, которые обсуждали Будда и Сигалака: отношения между мужем и женой. Согласно «Сигалака-сутте», один из пяти способов, которыми муж и жена должны «служить» друг другу – не быть неверными, и именно верность станет темой нашего обсуждения. Я не предлагаю основательного или даже систематического изучения этого вопроса – я лишь хочу собрать воедино несколько наблюдений. Помимо того, что я хочу высказать свое мнение о природе отношений между мужем и женой (или их современными эквивалентами), я хочу исследовать тему верности, поскольку – возвращаясь к нашей прежней теме – чем больше я об этом думал, тем больше приходил к выводу, что верность должна быть одним из качеств того, что я называю подлинной личностью, – то есть того, кто пытается стать подлинным человеческим существом.

Насколько я понимаю, все различные виды верности можно отнести к одной из трех основных групп: верность себе, верность идеалам, верность другим людям. Вероятно, можно выделить верность данному слову в четвертую группу, но, возможно, лучше всего считать ее аспектом верности себе, хотя очевидно, что она также подразумевает и верность другим. Верность себе можно также описать как подлинность по отношению к себе, как в знаменитом совете Полония своему сыну Лаэрту в «Гамлете» Шекспира:

*Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим⁸³.*

Быть верным себе – значит постоянно действовать, говорить и думать в соответствии с лучшим в себе. Это подразумевает объективное видение себя – не бесчувственность, а видение в том смысле, что мы видим ясно собственные настоящие интересы в высочайшем и наиболее полном выражении и постоянно верны им.

Верность идеалам не так просто объяснить. На самом деле, чтобы понять, что действительно имеется в виду, мы должны выяснить разницу между идеалом и идеей. Идеал можно определить как регулирующую модель человеческого существования. Но – и это важный момент – эта модель не навязывается человеческому существованию извне. Она берет начало в самом существовании человека. И идеал привносит основную тенденцию, подлинную природу этого существования, более ясно в сознание и таким образом укрепляет или даже возвышает эту основную тенденцию. Следовательно, идеалы – это инструменты человеческого развития.

Идеалы – или, скорее, человеческие существа, придерживающиеся этих идеалов, – могут, конечно, утратить связь с конкретной ситуацией, стать далекими от человеческого опыта. И, когда это происходит, идеалы перестают действовать как идеалы. Они становятся мертвыми идеалами, и, следовательно, на самом деле вообще перестают ими быть. Мертвые идеалы – это просто идеи, и именно поэтому против них нужно восстать и отвергнуть их.

Поэтому верность идеалам подразумевает, что мы постоянно действуем, говорим и думаем в соответствии с регулируемыми моделями человеческого существования, остаемся верными основной тенденции или подлинной природе этого существования, особенно тому, как эта тенденция отражается, укрепляется и усиливается в сознании или осознанности. Верность идеалам со временем становится практически неотделимой от верности себе. Это, можно сказать, объективное дополнение верности себе.

Верность другим людям, возможно, более доступна для понимания, по крайней мере, поверхностного. В феодальном обществе, как мы отметили, есть верность слуги своему господину. В семейной жизни есть верность мужа и жены друг другу, а слуги – хозяину. А в более широкой сфере социальной жизни есть верность между друзьями. Верность другим людям означает, что мы постоянно ведем себя, говорим и думаем в соответствии с тем, как мы определяем себя в отношении к этим людям. Это значит, что мы ведем себя соответственно той ответственности, которую мы приняли по отношению к ним.

Следовательно, верность – это следствие сознательного усилия. Можно говорить о хорошей матери или хорошем рабе, но нельзя говорить о верной матери или верном рабе, потому что отношения матери к ребенку и раба к господину – не из тех, в которые вступают по желанию. Они навязаны – в одном случае природой, в другом – обществом.

Но что делает верность частью личности или, на самом деле, частью самого способа, с помощью которого мы должны определять подлинную личность? Мы видели, что первое и самое фундаментальное качество, сущность личности – это самосознание или рефлексивное сознание, способность объективно видеть себя. Быть осознанным по отношению к себе – значит видеть себя таким, каким тебя видят другие – не в том значении, которое придавал Роберт Бернс, возможно, но в том смысле, что мы видим себя так же, как другие видят нас, как объект осознанности. Мы можем стать объектом нашей собственной мысли.

Мысль не ограничена, подобно телу, временем или пространством. Посредством мышления мы можем абстрагироваться от условий, в которых мы существуем в данный

момент. В частности, мы можем сформировать представление о себе как о том, что существовало в прошлом и чье существо перейдет в будущее. Следовательно, самосознание подразумевает определенную степень отделения от прошлого, своего рода отстраненность от него. Именно потому, что мы обладаем самосознанием, мы можем переносить наше представление о себе на будущее, и именно потому, что мы на это способны, мы можем сказать в настоящем, что мы сделаем что-то в будущем. Другими словами, именно благодаря тому, что у нас есть самосознание, мы можем давать обещания.

Когда мы говорим, что верность предполагает постоянство – мы постоянно ведем себя определенным образом – это подразумевает протяженность во времени. Постоянство означает, что мы ведем себя одинаково на протяжении определенного времени. На самом деле, это означает еще большее. Это означает, что мы сознательно и намеренно ведем себя одинаково на протяжении определенного времени. И, чтобы суметь сделать это, нам необходима осознанность по отношению к себе, мы должны быть личностями.

Если наша осознанность по отношению к себе слаба, мы не сможем сдержать обещание. Мы можем сказать соответствующие слова, поскольку от нас этого ожидают, но они не будут обладать значимостью обещания, если мы не способны сдержать это обещание. В действительности, мы не держим слово, потому что мы, прежде всего, никогда его не давали.

Именно недостаток осознанности по отношению к себе, недостаток личного начала мешает нам быть верными. Это относится к нашей способности быть верными нам самим и нашим идеалам, но здесь я буду обсуждать этот недостаток в контексте верности другим людям – на самом деле, в контексте верности другому человеку. И, безусловно, та форма верности другому человеку, с которой мы знакомы ближе всего и в которой у нас обычно больше всего опыта, – это сексуальная верность.

Все мы знаем, что имеется в виду под сексуальной верностью, по крайней мере, на поверхностном уровне. Это означает, что мы сводим нашу сексуальную активность к одному человеку. Большинство из нас согласится, что противоположность верности – беспорядочные половые связи. Есть, несомненно, разные степени промискуитета, и большинство людей считают, что точная его степень определяется числом сексуальных партнеров, которые есть у человека (обычно в различные периоды его жизни). Но, если давать точное определение, беспорядочность связей заключается не в многочисленности сексуальных отношений человека, а в их кратковременности. Сущность промискуитета в том, что человек не вступает два раза подряд в отношения с одним и тем же человеком. Человек, которого можно назвать абсолютно неразборчивым в связях, – это, следовательно, человек, который на протяжении сколь угодно долгого периода никогда не вступал в сексуальные отношения с одним и тем же партнером больше одного раза.

Что касается сексуальности, есть три возможных образа жизни: моногамия (или полигамия, там, где существует такая форма), беспорядочные половые связи и целибат. Степень одобрения, с которой «группа» относится к тому, как люди выражают свою сексуальность, основывается в большей или меньшей степени на том, какой образ жизни они выбирают. (Группа может также относиться с различной степенью осуждения к тому, что она считает извращенными проявлениями сексуальности). Но, что касается развития личности, есть только две формы образа жизни в сфере секса – невротическая форма и не-невротическая или психологически здоровая форма. Тот, кто пытается быть личностью,

может вести один из этих стилей жизни, в том случае, если следует ему в не-невротической форме.

Но как это соотносится с представлением о том, что верность – это качество подлинной личности? Может показаться, что здесь есть определенное противоречие. Так мы утверждаем, что может быть нравственным для личности вести сексуально распушенную жизнь, или нет? Это затруднение скорее кажущееся, чем реальное. Суть вопроса заключается в том, что почти невозможно, чтобы все отношения в жизни человека длились долго. Однако некоторые из них должны длиться, иначе мы вряд ли можем вообще считать, что осознанны по отношению к себе. В той степени, в которой человек ограничивает длительность своих отношений, в такой степени он и не будет продолжать развиваться как личность. Непродолжительные сексуальные отношения не должны быть проблемой, если в нашей жизни есть несексуальные отношения, которые занимают в ней ключевое место и длительны – то есть те, по отношению к которым мы практикуем верность. В то же самое время, если наши непродолжительные сексуальные отношения более важны для нас, чем продолжительные отношения, не связанные с сексом, мы, несомненно, в большом затруднении.

Но – возвращаясь к нашей основной теме – как человек хранит верность другому человеку? Есть два врага такой верности: «ближний враг», привязанность, и «дальний враг», отвлечение⁸⁴. Отвлечение можно описать как нечто, что силой привлекает наше внимание, когда мы на самом деле не хотим уделять этому внимание. Конечно, мы отвлекаемся почти каждый раз, когда пытаемся медитировать. Возможно, мы сосредотачиваемся на процессе собственного дыхания, но шум транспорта на улице мешает нам, и кажется, что мы просто ничего не можем поделать с тем, что слушаем его. Иногда то, что силой привлекает наше внимание, – это нечто, чему в другое время мы были бы очень рады уделить внимание. Это может быть что-то, что мы очень любим или даже что-то, чем мы очень увлечены, что пробуждает в нас самые основные интересы и желания. Вряд ли мне нужно перечислять, что это могут быть за вещи. Тогда становится очень трудно противостоять этому отвлечению.

В медитации отвлечения, возникающие перед нами, приходят в форме воспоминаний и фантазий, но в повседневной жизни мы сталкиваемся с отвлекающими объектами, наличие которых слишком буквально и очевидно. Именно это особенно затрудняет нашу практику верности. Отвлекающий объект – или, обычно, человек – находится перед нами, в то время как человек, которому мы намереваемся быть верными, возможно, отсутствует. Конечно, впечатление, производимое тем, кто присутствует, очень ярко, по сравнению с впечатлением, производимым тем, кто отсутствует (при прочих равных условиях). Следовательно, человек, который присутствует рядом с нами, может заставить нас забыть – по крайней мере, на текущее время – об отсутствующем человеке или даже заставить вести себя так, как если бы он вообще не существовал. Непрерывность наших отношений с тем, другим, человеком разрывается, и в этом заключается суть неверности. Текущие впечатления победили наше чувство длительности в отношении к тому, другому, человеку на протяжении прошлого, настоящего и будущего.

Обычно мы говорим, что человек, который слишком легко поддается текущим впечатлениям, слаб характерен. Он очень недолго способен следовать своей цели и, столь легко отвлекаясь, не обладает и развитой личностью. Такой человек не может практиковать верность. Конечно, в реальности ситуация не всегда столь ясна и абстрактна, хотя сжато ее и можно описать так. Мы говорим о некоторых из самых тяжелых аспектов человеческой

жизни, и не стоит забывать о человеческой испорченности.

Ближний враг верности – это привязанность. Она называется близким врагом, потому что верность и привязанность выглядят очень похоже, по крайней мере, для поверхностного наблюдателя. Но там, где присутствует невротическая степень привязанности по отношению к другому человеку, не может быть верности, потому что в этой привязанности нет осознанности по отношению к себе и, следовательно, подлинной личности. Привязанность к кому-то в настоящем исключает осознание прошлого или будущего и просто продлевается бесконечно. Человек не переживает подобные отношения как устойчивые во времени. Следовательно, он не способен на верность.

Но как узнать, способен ли ты быть верным? Как проверяется верность? Проверка – ситуация или опыт, в которых раскрывается подлинная природа вещи, обнаруживается, подлинный ли это предмет или просто подделка. Так, огонь выявляет, действительно ли определенный желтый металл – золото, или это просто нечто похожее на него.

Наша верность другому человеку, безусловно, проверяется физической разлукой. Когда мы разлучаемся с кем-то, наши отношения переводятся, по крайней мере, на текущее время, с физического на ментальный план. Их непрерывность становится исключительно ментальной (если понимать слово «ментальный» как включающий эмоциональный аспект души). Гораздо сложнее жить на ментальном плане, чем на физическом плане, потому что чувственное сознание гораздо сильнее, чем самосознание. Соответственно, когда в результате расставания нашим отношениям приходится существовать на ментальном плане, эти отношения с легкостью могут быть прерваны отношениями с кем-нибудь еще на физическом плане. Другими словами, очень легко нарушить верность. Верность возможна только в такой мере, в которой мы можем представлять себе, как наши отношения с человеком, с которым мы разлучены, продолжатся в будущем. Эта способность проецировать себя в будущее, в свою очередь, возможна только в той мере, в какой мы обладаем осознанностью.

Следовательно, разлука – это также проверка осознанности по отношению к себе. На самом деле, именно потому, что она проверяет осознанность, она проверяет и верность. Разлука обнаруживает уровень, на котором наши отношения с другим человеком на самом деле существуют – являются ли они преимущественно физическими или одновременно физическими и ментальными, – и верность возможна только в той мере, в которой отношения являются ментальными (и эмоциональными). Физическую разлуку, следовательно, можно воспринимать как возможность развития и укрепления нефизической стороны отношений, равно как и осознанности по отношению к себе. Это, в свою очередь, будет укреплять вашу личность в подлинном смысле этого слова.

Крайняя форма разлуки – это, конечно, смерть, и, следовательно, смерть – последняя проверка верности, как это было в случае с теми студентами-бенгальцами. Можно даже сказать, что верность включает осознание смерти, что на самом деле подразумевает и осознанность по отношению к себе. Если вы можете представить, что существуете в будущем, вы можете также и представить, что в будущем вас не будет. Осознавать себя, быть человеком, быть личностью, следовательно, – значит осознавать смерть.

Верность также проверяется изоляцией, в том смысле, что вы остаетесь в меньшинстве, даже в одиночестве. Такая проверка применима в особенности к верности идеалам, хотя ее можно также применить и к верности по отношению к другому человеку. На самом деле, оставаться одному – очень трудно. Очень трудно придерживаться своих идеалов,

– какими бы они не были, – когда все вокруг вас пытаются убедить вас отвергнуть их, потому что считают, что эти идеалы неверны, неуместны, стары или безрадостны. Вы находитесь в очень сложном положении, когда самые дорогие вам ценности отрезают вас от всех остальных, будь это ваша семья, соседи, страна, культура – иногда даже может показаться, что они отрезают вас от всего остального мира. Если случилось так, что вы верите в Бога, а оказывается, что ваши идеалы отрезают вас и от него, тем хуже. Человеческие существа сделают почти все, что угодно, чтобы избежать чудовищной изоляции и высмеивания себя другими за приверженность идеалам, и большинство людей под подобным давлением рано или поздно отказываются от своих идеалов.

Хороший пример изоляции как последней проверки верности идеалам можно обнаружить в «Потерянном рае» Мильтона. В одном из фрагментов ангел Абдиил к собственному несчастью попадает к восставшим ангелам, и, следовательно, оказывается в неблагоприятном положении, потому что не соглашается с их бунтом против Бога. Он по сути оказывается единственным в огромном собрании миллионов бунтующих ангелов, кто с этим не согласен. После того, как Абдиил, оставшись в полном одиночестве, отрекается от Люцифера и восставших ангелов, Мильтон так говорит о его благородной верности:

*Так Абдиил, единый Серафим,
Соблюдавший верность среди неверных Духов,
Промолвил. Он, единый среди лжецов
Несметных, обольщению не подпал;
Отважный, непреклонный, он сберег
Любовь, присягу, рвенье. Ни пример,
Ни численность повстанцев не могли
Поколебать его и отлучить
От истины, хоть противостоял
Он, одинокий, - всем. Сквозь их ряды,
Под улюлюканье враждебных толп,
Он долго шел, насилья не страшась,
Достойно измывательства терпел,
К надменным башням, обреченным рухнуть,
С презрением оборотив хребет⁸⁵.*

(Пер. А. Штейнберга).

Я закончу эту главу двумя историями. Подобно той, которой начиналась глава, они касаются главным образом верности и смерти. Первая история – из оперы Бетховена «Фиделио», которая была написана в начале XIX в. Фиделио означает «верный», и это имя приняла Леонора, жена знатного испанца по имени Флористан. Флористан вызвал неприязнь Пиззаро, правителя мрачной средневековой крепости, которая действовала как тюрьма для политических преступников, и он схватил Флористана и заключил его в самое глубокое и темное из подземелий крепости, тем временем распространив известие о смерти Флористана. Все поверили этому известию – все, за исключением Леоноры. Отказавшись признать смерть своего мужа, она составляет план, чтобы хитростью попасть в крепость и спасти его. Одевшись как юноша, взяв имя Фиделио, она получает работу в крепости в качестве помощника главного тюремщика по имени Рокко. Конечно, у Рокко имеется дочь, которая влюбляется в этого предполагаемого юношу, что становится причиной обязательной для оперы запутанности сюжета. Так начинается опера.

Если свести историю к сути, она продолжается следующим образом: Пиззаро узнает, что Фернандо, государственный министр, приезжает с проверкой в крепость, и решает казнить Флористана до того, как прибудет Фернандо. Он помещает на крепостную стену трубача, чтобы тот предупредил о прибытии Фернандо, и приказывает Рокко, главному тюремщику, убить Флористана. Рокко отказывается. Тогда Пиззаро приказывает ему идти рыть могилу для Флористана, говоря, что сам, своими собственными руками, убьет его. Поэтому Рокко роет могилу для Флористана, и Фиделио (Леонора) в качестве его помощника должна помогать ему в этом, хотя она роет могилу своему собственному мужу. Затем действие переносится в камеру Флористана, где Пиззаро вот-вот пронзит Флористана. В этот момент Леонора бросается, закрывая его собой, и говорит, что сначала Пиззаро придется убить ее. Когда она это делает, слышится знаменитый сигнал трубы. Прибывает государственный министр, Пиззаро арестовывают, а Флористан и Леонора воссоединяются.

Утверждают, что, «как драма и как опера, «Фиделио» отличается практически от всех остальных своей совершенной чистотой, моральной возвышенностью темы и ослепительно идеальной музыкой». Что касается моральной возвышенности темы, это, несомненно, относится к тому, как раскрывается в опере тема верности. Когда Флористан исчезает, и проходит слух, что он мертв, Леонора не начинает искать другого мужа, но отправляется на поиски Флористана и рискует собственной жизнью, чтобы спасти его. Ее верность проверяется смертью не однажды, и она проходит проверку. Оперу не так часто ставят, хотя различные увертюры «Леоноры» часто используются оркестрами. Происходит ли это, потому что «моральной возвышенности ее темы» слишком много для современной аудитории, а верность вышла из моды, трудно сказать. Но, если это так, возможно, это знаменательно. Если мы хотим возвращать в себе качества подлинной личности, наше общество не слишком поможет нам в том, что касается верности.

Переходя от западной истории к восточной, а от оперы – к сутре, мы снова обращаемся к «Амитаюр-дхьяна-сутре», сутре медитации Амитаюса, Будды бесконечной жизни⁸⁶. Здесь мы находим еще одну крепость, еще одно подземелье, еще одного заключенного и еще одну верную жену – а в дополнение к этому еще несколько компонентов: Будду, Дхарму и Сангху. Мы уже упоминали эту историю прежде, когда обсуждали духовное сообщество и Чистую землю. Как мы видели, когда эта сутра начинается – в Раджагрихе, столице Магадхи – царь Бимбисара свергается своим безнравственным сыном Аджатасатру, который заключает его в тюрьму, надеясь, что там он умрет голодной смертью. На самом деле, он не только на это надеется – он просто забывает отдавать приказы относительно того, чтобы его отцу давали поесть. Но Вайдехи тайно приносят пищу своему мужу и день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем поддерживает его жизнь. Другими словами, она остается верной ему.

Со временем Аджатасатру начинает подозревать, что его отец не умирает, как он ожидал. Установив слежку за тем, кто входит в тюрьму и выходит из нее, он однажды узнает, что именно его мать виновата в том, что его раздражает, – в том, что отец все еще жив. Аджатасатру – безусловно, не послушный сын древних времен, и в ярости он бросается на мать с мечом, и от убийства матери его уберегают только министры. Они говорят: «В нашей царской традиции есть много записей о царях, которые убивали своих отцов, но еще не было ни одного царя, который убил бы свою мать. Воздержись от этого неопишимо дурного поступка». Устыдившись, царь вкладывает меч в ножны и удовлетворяется тем, что приказывает также бросить мать в тюрьму. В тюрьме она молится Будде – поскольку она не только верная жена, но еще и верная ученица Будды – и просит его прислать к ней своих

учеников, Ананду и Махамаудгальяяну.

Вняв ее мольбе своим божественным ухом, Будда делает больше, чем она просит. Вместе с Анандой и Махамаудгальяяной перед ней появляется он сам, сияющий радужным светом, заполняющим темноту тюремной камеры. Вайдехи говорит ему, что она разочаровалась в этом мире (и это понятно) и просит Будду научить ее медитировать, чтобы попасть в лучший мир. Будда выполняет ее просьбу, и описание этих медитаций составляет большую часть сутры.

В этой истории мы также видим, как верность проверяется разлукой и даже смертью. Вайдехи остается верной Бимбисаре, даже рискуя собственной жизнью. Обладая качеством верности, она является личностью, а поскольку она является личностью, она может обратиться к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе. Она может увидеть перед собой Будду и его учеников и услышать Дхарму. В конце концов, на самом деле, под верностью понимается верность этим трем идеалам. Верность себе – это, в конечном счете, верность Будде. Верность идеалам – в конечном счете, верность Дхарме. А верность другим людям – верность Сангхе.

Верность этого высшего рода воплощается в фигуре женщины-Бодхисаттвы Тары, которую иногда называют Самаяя-тара (что, согласно Ламе Говинде, переводится как «верная Тара»). Все Бодхисаттвы так или иначе являются воплощениями совершенной верности. Они верны всем существам, и их верность безгранична во времени и пространстве. Они, можно сказать, являются личностями в самом полном, высочайшем смысле этого слова.

Следовательно, если мы хотим стать Бодхисаттвами, если мы хотим стать личностями, мы должны практиковать верность. Мы должны быть верными себе, нашему слову, нашим обещаниям. Мы должны быть верными нашим идеалам, нашему опыту, нашей работе, пути человеческого развития. Мы должны быть верными другим людям: не только нашим возлюбленным, но и нашим друзьям, коллегам и учителям. Без верности нет ничего устойчивого, без устойчивости нет развития, а без развития нет духовной жизни. Верность – человеческая потребность, потому что человек нуждается в развитии. Верность – это часть человеческой природы, поскольку развитие – часть этой природы.

Глава 16

Значение дружбы

В современном мире дружба – это, вероятно, тот из видов первичных человеческих отношений, которым чаще всего пренебрегают. Но, как мы видели, согласно самому Будде, дружба непосредственно связана с духовной жизнью. Излагая этот вопрос Сигалаке, он говорит, что друзьям и товарищам нужно служить и заботиться о них пятью способами⁸⁷. Другими словами, у нас есть пять обязанностей по отношению к нашим друзьям, и если мы их выполняем, наша дружба будет процветать.

Прежде всего, это наш долг быть щедрыми. Мы должны разделить с нашими друзьями все, что у нас есть. В идеале эти слова следует воспринимать вполне буквально. Некоторые буддийские общины совместного проживания живут на общие средства, объединяющие все их ресурсы. Сделать это непросто – некоторым людям трудно поделиться даже книгой, – но это пример идеальных отношений между друзьями. В идеале ваш друг даже не должен *просить* у вас денег. Если вы серьезно относитесь к принципу совместности, у вас все общее: деньги, ресурсы, интересы, энергия, – все. Вы ничего не оставляете себе.

Второй долг – никогда не говорить грубо, резко или насмешливо со своими друзьями, а говорить с добротой и состраданием. К речи в буддизме относятся очень серьезно. Пять основных буддийских наставлений включают лишь одно наставление относительно речи – воздерживаться от лживой речи, но говорить правдиво – недостаточно, и это отражается в десяти наставлениях, которые принимают некоторые буддисты. Среди них – целых четыре наставления относительно речи, потому что так просто начать говорить грубо и нанести вред другим, говорить с безразличием, неосторожно или даже бессердечно.

Наша третья обязанность по отношению к друзьям – следить за их благополучием, особенно за их духовным благополучием. Помимо того, что вы должны следить за тем, все ли с ними в порядке в смысле их здоровья и экономического благосостояния, и помогать им в любых трудностях, мы должны всеми возможными способами помогать им расти и развиваться как человеческими существами.

В-четвертых, мы должны относиться к своим друзьям так же, как и к самому себе. На самом деле, сделать это очень трудно, потому что это означает, что мы разрушаем границу между собой и другими. В одном из самых важных текстов Махаяны, «Бодхичарья-аватаре» Шантидевы, эта тема обсуждается очень глубоко и весьма подробно⁸⁸.

В-пятых, мы должны держать обещания, данные нашим друзьям. Мы должны держать слово. Если мы говорим, что сделаем что-то для друга, мы просто делаем это, что бы ни случилось. Если мы не заботимся о выполнении своих обещаний, это обычно происходит потому, что мы даем их необдуманно. Следовательно, мы должны давать обещания настолько осознанно, чтобы относиться к ним как к серьезным обязательствам. Если мы дали слово, мы должны его сдержать.

Как у нас есть эти пять обязанностей по отношению к друзьям, так и у них есть те же обязанности по отношению к нам: это двухсторонние обязательства. Наши друзья и товарищи служат нам, помогают, отвечают взаимностью на нашу дружбу. Перечисленные в «Сигалака-сутте» обязанности по отношению к друзьям – это, следовательно, также и перечень тех пяти способов, которыми заботятся о нас хорошие друзья. Во-первых, согласно сутте, они заботятся о нас, когда мы больны. Во-вторых, они следят за нашим имуществом, если мы

неосторожны, другими словами, они больше заботятся о нашей собственности, чем мы сами, – это безошибочный знак дружбы. В-третьих, они – наше прибежище во время страха: они могут облегчить наше беспокойство, а если у нас есть действительная причина для страха, они помогут нам справиться с этой ситуацией. В-четвертых, они не бросают нас в беде. Как говорится в пословице, «друг познается в беде». И, наконец, они проявляют заботу о тех, кто зависит от нас. Если у нас есть дети, наши друзья заботятся об их благополучии так же, как и мы сами, и то же самое касается благополучия наших учеников, если у нас есть ученики⁸⁹.

Таковы, в нескольких словах, обязанности друга. Несомненно, они представляют собой очень возвышенный идеал дружбы, и размышлению над ними необходимо уделить пристальное внимание. Здесь я укажу лишь на одну-две ярких черты. Интересно, например, что первые четыре обязанности совпадают с другим известным перечнем, который занимает важное место в буддизме Махаяны: четырьмя *самграхавасту*, что обычно переводится как четыре элемента обращения⁹⁰. Они составляют часть седьмой *парамиты*, седьмого из десяти Совершенств, в которых должен упражняться бодхисаттва: *упайя-парамиты*, совершенства *упайи* или искусных средств. Четыре *самграхавасту* – это, следовательно, аспект искусных средств бодхисаттвы.

Тот факт, что эти элементы обращения совпадают с первыми четырьмя обязанностями друга, сообщает нам нечто очень глубокое и значимое о том, как в идеале действует сангха. Он предполагает, что лучший способ обратить людей в свою веру – просто подружиться с ними. Некоторые люди пытаются обратить других в свое воззрение или религию почти насильственно, но это не буддийский путь. Буддисты должны обращать людей – если такое слово на самом деле верно, – просто становясь их друзьями. Мы заводим дружбу, и все. Нет нужды читать людям проповеди, стучаться в их двери и говорить: «А вы слышали слово Будды?»

Будучи буддистом, человек не должен думать о том, как «обратить» кого-нибудь или так или иначе привести его на путь, которому он следует сам. Его забота – просто быть другом, быть щедрым, делиться всем, что он имеет, говорить с добротой и любовью, проявлять заботу о благополучии друзей, особенно об их духовном благополучии, относиться к ним так же, как и к себе, и держать данное им слово.

Однако тот факт, что эти четыре пункта являются элементами обращения, означает, что сами по себе они являются передачей Дхармы. Вы передаете саму Дхарму, практикуя дружбу подобным образом. Можно даже сказать, что дружба *и есть* Дхарма. Уильям Блейк, великий английский поэт, художник и мистик, сказал: «Религия – это политика». Но затем он продолжил: «Политика – это братство»⁹¹. Следовательно, религия – это братство. Вслед за ним мы можем сказать, что Дхарма – это дружба. Если вы практикуете дружбу, вы не только практикуете Дхарму, но и передаете ее.

Еще один вопрос, который поднимается в обязанностях друзей, имеет особенно важные следствия. Это касается четвертой обязанности: относиться к нашим друзьям и товарищам, как к самим себе. Санскритское выражение здесь – *саманартхата*, где «саман» означает «равный». Друг – это тот, к которому ты относишься как к равному. Но что это значит? Подсказку можно найти в этимологии английского слова «friend» (друг), которое, несомненно, родственно слову «free» (свободный). Следовательно, дружба – это отношения, которые могут существовать только между двумя или более свободными людьми, то есть людьми, которые равны. Понимая это, древние греки утверждали, что между рабом и

свободным человеком не может быть дружбы.

Эти слова можно понимать как буквально, так и метафорически. Можно сделать вывод, что дружба не может включать каких бы то ни было отношений, основанных на власти. Отношения между хозяином и рабом основаны на власти, а там, где один человек обладает властью над другим, не может быть дружбы, потому что дружба основана на любви – если использовать слово «любовь» в значении палийского термина «*метта*», которое совершенно отличается по значению от слова «*пема*», любви в значении слезливой привязанности и чувства собственности. *Пема* по сути своей эгоистична, и ее легко превратить в ненависть; конечно, сексуальная любовь часто бывает именно такой. Но *метта* лишена эгоизма или привязанности, ее заботит только счастье и благополучие других.

Палийское слово, обозначающее «друг», *митта* (*митра* на санскрите), тесно связано со словом *метта* (*майтри* на санскрите). А *метта* – это, конечно, то самое качество, которое развивается в одной из самых важных буддийских практик медитации, *метта-бхаване*, развитии дружелюбия по отношению ко всем живым существам. Эта практика начинается с развития *метты* по отношению к себе. На следующем этапе вы развиваете *метту* по отношению к близкому и дорогому вам другу (не сексуальному партнеру или человеку, который привлекает вас сексуально). На третьем этапе вы направляете то же чувство *метты*, которое к этому моменту уже довольно устойчиво, на нейтрального человека – кого-то, кого вы знаете довольно хорошо, но не испытываете к нему особенной симпатии или антипатии. Затем, на четвертом этапе, вы развиваете ту же самую *метту* по отношению к «врагу», человеку, которого вы считаете врагом, или который, возможно, считает врагом вас, или и то, и другое одновременно. Может показаться невероятным, что можно развить глубокое дружелюбие по отношению к врагу, но любой, кто делал практику *метта-бхаваны* довольно регулярно, знает по собственному опыту, что это возможно.

Наконец, на пятом этапе вы развиваете *метту* по отношению ко всем этим четырем людям – себе, своему другу, нейтральному человеку и врагу, – а затем начинаете расширять круг своей *метты*, развивая ее по отношению ко всем, на кого вы обращаете внимание. Вы начинаете с людей, с которыми близки – с тех, кто медитирует вместе с вами или живет в том же доме или на той же улице, – а затем позволяете своей *метте* распространяться все дальше и дальше и включить всех по соседству, всех в городе и даже во всем мире. Вы можете включить в круг своей *метты* всех людей, а также других живых существ, в том числе богов и животных.

С помощью этой практики медитации мы можем развить дружелюбие. Другими словами, мы переходим от действий, основанных на власти, к действиям, основанным на любви. Есть много способов действовать, основываясь на власти, – то есть, сосредотачиваясь на получении того, чего мы хотим, из ситуации, в которую вовлечены другие люди. Обычно, если мы достаточно умны, нам не приходится использовать силу. Тонко и косвенно мы манипулируем другими людьми, заставляя их сделать то, что нужно нам, не для их блага, но ради наших собственных целей. Некоторые люди очень ловки в этом. Они так мягки, они кажутся такими альтруистичными и искренними, что вы едва ли поймете, что вами манипулируют, и действуют так опосредованно, что, возможно, и сами не осознают, что делают это. Но, так или иначе, мы обманываем других и себя в том, что касается наших подлинных мотивов. Мы мошенничаем, мы лжем, мы применяем эмоциональный шантаж. Но в *метте*, дружбе, нет ничего такого, есть только взаимная забота о счастье и благополучии друг друга⁹².

Следовательно, дружба, несомненно, принадлежит духовному измерению, и в других местах Будда говорит об этом вопросе по-другому. В главе четвертой Уданы, текста, вероятно, еще более раннего по сравнению с Сигалака-суттой, мы читаем, как Будда остановился в месте под названием Чалика в сопровождении своего помощника, которым в то время был монах по имени Мегхия. Они путешествуют в одиночестве, и однажды Мегхия, который был, по-видимому, довольно молод, находит прекрасную манговую рощу. В Индии они часто располагаются на окраинах деревень; эти деревья очень красивы, изобилуют темно-зеленой листвой и растут очень близко друг к другу, поэтому помимо того, что на них растут манго, они также обеспечивают прохладную тень жарким индийским летом.

Мегхия подумал: «Какая прекрасная манговая роща! И что за отличное место для того, чтобы сесть и заняться медитацией – такая прохлада и свежесть!» Поэтому он спросил Будду, может ли он отправиться туда и провести там какое-то время. Однако Будда попросил его подождать немного, пока не придет еще один монах, потому что по той или иной причине Будде нужно, чтобы кто-то был с ним. Но Мегхию не заботили потребности Будды. Вместо этого он привел умный довод, на который совершенно нечего возразить. Он сказал: «У тебя все прекрасно – ты достиг цели Просветления – но мне еще долго продвигаться в своей практике. Это прекрасная манговая роща, я на самом деле хочу отправиться туда и медитировать». В конце концов, Будде пришлось согласиться, и Мегхия ушел, оставив Будду одного. Однако, хотя Мегхия получил то, что хотел, и манговая роща оказалась тем самым прекрасным, замечательным местом, как он и ожидал, он обнаружил, что совсем не может сосредоточиться на медитации. Несмотря на свой энтузиазм и энергию, как только он сел, его ум охватили жадность, ревность, гнев, похоть, ложные воззрения – все сразу. Он совсем не знал, что делать.

В конце концов, он притащился назад к Будде и рассказал ему о своем позорном поражении. Будда не поругал его, а дал ему учение. Он сказал: «Мегхия, если ты духовно незрел, есть пять вещей, которые приводят к духовной зрелости. И первая из этих вещей – это духовная дружба. Второе – это практика нравственности, а третье – серьезное обсуждение Дхармы. В-четвертых, тебе нужно направить энергию на устранение негативных состояний ума и развивать позитивные. А, в-пятых, ты должен развивать проникновение в смысле глубокого понимания вселенского непостоянства»⁹³.

Будда отметил, что эти пять вещей необходимы для того, кто духовно не развит, и, безусловно, он подразумевал, что на первое место Мегхия должен поставить духовную дружбу. Если у вас есть духовный друг, будь это Будда или кто-то намного менее значительный, его нельзя отвергать так же безрассудно, как Мегхия отмахнулся от Будды. Но, подобно Мегхия, мы часто не понимаем, в какой степени мы духовно зависимы от личных контактов с нашими духовными друзьями, особенно теми, кто более развит, чем мы. Очень трудно добиться хоть какого-то духовного прогресса без них. Будды уже нет рядом с нами, но большинство из нас, подобно Мегхии, все равно не были бы готовы к такому другу. Мы, скорее всего, поступили бы так же, как и Мегхия.

Может быть, среди нас и нет Будды, но у нас есть другие. Мы можем помочь друг другу, вдохновить друг друга в своей практике Дхармы. Мы можем признаться в наших недостатках и слабостях друг другу. Мы можем поделиться нашим пониманием друг с другом. Мы можем возрадоваться заслугам друг друга. Так мы можем практиковать духовную дружбу.

Никто не может практиковать Дхарму за нас, нам нужно практиковать ее самим. Но нам не обязательно практиковать ее в одиночестве. Мы можем практиковать ее в компании людей, которые думают так же, как и мы, и пытаются поступать так же, и это лучший способ – на самом деле, единственно эффективный – способ практиковать.

Как Будда скажет спустя годы своему ученику и кузену Ананде в месте под названием Сакка, «духовная дружба – это вся духовная жизнь». Но как нам понимать эти слова? Мы можем понять, что дружба важна, но идею о том, что дружба, даже духовная дружба, может быть всей духовной жизнью, довольно трудно переварить. Но давайте внимательнее присмотримся к тому, о чем здесь говорится.

Палийское слово, которое я перевел как «духовная жизнь», звучит как «*брахмачарья*», что иногда обозначает celibat или девственность – то есть воздержание от сексуальной активности, – но в данном контексте у него гораздо более широкое значение. Оно состоит из двух частей. Слово «брахма» означает «возвышенный, благородный, лучший, безупречный и подлинный», оно также означает «божественный», не в теистическом смысле, но в значении воплощения лучших и самых благородных качеств и добродетелей. А «*чарья*» переводится как «ходьба», «странствие», «практика», «опыт» и даже «жизнь». Следовательно, «*брахмачарья*» означает нечто вроде «практикующий лучшее» или «переживающий идеальное», мы можем даже перевести это как «божественная жизнь» или просто «духовная жизнь», как делаю я⁹⁴.

Есть еще один аспект слова «*брахмачарья*», который приводит нас к более глубокому пониманию того, что имеется в виду в данном контексте. В раннем буддизме существовал целый ряд терминов, начинающихся с «*брахма*», и одно из этих слов – «*брахмалока*», что означает совершенное измерение, божественный мир или просто духовный мир в высочайшем смысле. Следовательно, *брахмачарья* или духовная жизнь – это жизнь, которая приводит в *брахмалоку* или духовный мир. Но как возможно достичь этого? За ответом мы должны обратиться к еще более раннему тексту Махаяны – «Махаговинда-сутте». Не обращаясь к условиям создания этой сутты – это долгая история, – мы находим в ней тот же самый вопрос: «Как смертный достигает бессмертного мира брахмы?» Другими словами, как можно попасть из времени в вечность? И ответ, который приводится, прост и краток: «Мира брахмы можно достичь, отбросив все мысли о собственности, все мысли о «мне» и «моем». Другими словами, человек попадает в брахмалоку, оставив эгоизм и себялюбие, отбросив любое представление о «я»⁹⁵.

Таким образом, обнаруживается тесная связь между духовной дружбой и духовной жизнью. Духовная дружба – это практика в отсутствии себялюбия, в альтруизме. Вы делитесь всем со своим другом или друзьями. Вы говорите с ними с добротой и любовью и заботитесь об их благополучии, особенно духовном благополучии. Вы относитесь к ним так же, как и к себе – то есть, вы относитесь к ним как к равным. Вы относитесь к ним с меттой, а не согласно тому, как распределяется между вами власть. Конечно, это очень трудно, вызывает внутренний протест, потому что мы естественно эгоистичны. Развивать духовную дружбу очень трудно. Вести духовную жизнь очень трудно. Быть буддистом – настоящим буддистом – очень трудно. Нам нужна помощь.

И мы получаем эту помощь не только от наших учителей, но также и друг от друга. Мы не можем все время быть с нашим духовным учителем, но со своими духовными друзьями мы можем быть все время или, по крайней мере, большую его часть. Мы можем

видеться с ними регулярно, а, возможно, и жить и даже работать с ними. Если будем проводить время с духовными друзьями, мы узнаем их лучше, а они узнают лучше нас. Мы научимся быть более открытыми и честными, столкнемся лицом к лицу с нашими слабостями и, в особенности, – с нашей естественной склонностью действовать в согласии с принципом силы. Если у нас есть духовные друзья, они попытаются не относиться к нам подобным образом и будут ждать от нас, что мы также будем действовать по отношению к ним с любовью, относиться к ним с меттой. Учась относиться к нашим друзьям подобным образом, мы постепенно научимся относиться ко всему миру с меттой, с альтруизмом. Таким образом, духовная дружба действительно охватывает всю духовную жизнь.

Глава 17

Буддизм и деловые отношения

Принцип отсутствия эксплуатации в идеале должен действовать во всех отношениях в жизни человека. Мы должны обладать возможностью брать то, что нам нужно, будь это еда, одежда, образование или что-то еще, а отдавать все, что можем. Следовательно, нет необходимости в существовании связи между тем, что мы отдаем, и тем, что мы получаем. Однако, к несчастью, обычно все устроено так, что каждый человек, вовлеченный в какую-нибудь сделку, неважно, в качестве получателя или дающего, думает только о себе, отдавая как можно меньше в обмен на как можно большее. Именно так обычно бывает в жизни: мы заключаем сделки, в которых то, что мы даем, определяется тем, что мы можем от этого получить, а ни в коем случае не последствиями этой сделки для других людей.

После определенного момента любая коммерческая выгода непременно получается за счет кого-то другого, но состояние проигравших в игре обычно не беспокоит победителей. Особенно бесстыдную форму этого повсеместно распространенного явления можно наблюдать в бедных странах, подобных Индии, где торговцы зерном, в частности, рисом, обладающие огромными богатствами, копят свои запасы, отказываясь признать, что у них есть что продать, чтобы взвинтить цены. Это может продолжаться неделями, особенно в отдаленных частях страны, до тех пор, пока люди действительно не начнут голодать, но торговцы будут придерживать свои запасы так долго, как возможно, прежде чем медленно распродать их по грабительской цене на черном рынке. Беднякам приходится выскрести все до копейки, чтобы купить достаточно еды для пропитания. Такая эксплуатация имеет место – хотя обычно она более незаметна – во всех сферах жизни, во всех частях мира.

Идея отсутствия эксплуатации тесно связана со вторым из пяти наставлений (наставлений, которые формируют основу нравственной жизни всех буддистов). Пытаясь жить в соответствии со вторым наставлением, человек принимает на себя ответственность не брать того, что ему не дано⁹⁶. Это нечто большее, чем просто иносказательное указание «не красть». Не красть – недостаточно. Остается слишком много лазеек. Человек может быть самым воплощением честности с точки зрения буквы закона и одновременно выстраивать свои дела с применением незаконных, сомнительных или откровенно нечистых методов. Таким образом, большая часть богатства накапливается с помощью совершенно безнравственных средств, хотя никакие условные этические предписания не нарушаются.

Но буддийское наставление – не брать ничего, если только его настоящие владельцы, будь это отдельные люди или общество в целом, не отдают это тебе с готовностью. Если тебе это не давали, не бери это. Я отметил, что между тем, что мы даем, и тем, что мы берем, не должно существовать связи. Однако то, что мы берем, должно в то же самое время быть дано нам – в этом отношении даяние и получение являются двумя аспектами одного и того же действия. В некоторых буддийских странах монахи обязаны настолько строго соблюдать это наставление, что когда в некоторых формальных ситуациях им преподносится пища, им не позволяется есть ее, пока тарелка с пищей не будет поднята и действительно протянута им в руки.

Тот же принцип находит применение на пятой ступени Благородного восьмеричного пути Будды: в правильном или совершенном добывании средств к существованию⁹⁷. Уже тот факт, что правильное добывание средств к существованию включается в этот список, дает представление о том, насколько важно в буддизме то, как человек зарабатывает себе на жизнь.

Люди могут говорить о получении совершенной работы, но можно догадаться, что не это имеется в виду под «совершенным добыванием средств к существованию». Но разве такой очевидно мирской вещи, как трудоустройству, есть место в этом благородном собрании идеалов?

Нам всем приходится зарабатывать себе на жизнь – по крайней мере, если мы не монахи – но, как бы мы это не делали, мы не должны причинять своей работой вреда ни себе, ни другим. В ранних писаниях часто даются приближенные руководства по добыванию средств к существованию в форме списков занятий, которые запрещены тем, кто следует по духовному пути⁹⁸. Первое из них относится к любой коммерческой активности, связанной с торговлей любыми живыми существами, будь это люди или животные. Рабство всегда порицалось и было запрещено в буддийских странах. Буддистам не пришлось ждать восемнадцатого или девятнадцатого века, чтобы четко обозначить свою позицию по данному вопросу. Конечно, торговля человеческими существами все еще ведется в мире и в наши дни, но гораздо более распространена торговля животными на убой, также запрещенная в буддийских обществах: вы не встретите среди буддистов мясника или забойщика. Такой способ заработать себе на жизнь вредит не только, – что безусловно, – животным, которые подвергаются убийству, но и тому, кто совершает забой. Если проводить по восемь часов в день за убийством свиней, коров, овец или кур, это непременно причинит определенный ментальный или эмоциональный вред забойщику в результате подавления его естественных проявлений сострадания к другим живым существам.

Еще одному запрету в раннем буддизме подверглась торговля ядами – конечно, не медицинскими ядами, а ядами, которые отнимают жизнь. Во времена, когда вскрытий еще не производилось, это был почти гарантированный способ избавиться от кого-нибудь: торговец ядами давал вам пузырек с требуемым ядом – работающим быстро или медленно, болезненно или безболезненно – а затем вы добавляли нужную дозу в карри. Подобно работоторговцам, торговцы ядами в каком-то смысле менее редки в наши дни, чем это было прежде. Но, конечно, в современном мире можно провести параллель с широко распространенной торговлей тем, что называется наркотиками класса А (например, героином и кокаином) – она столь же вредоносна. Кроме того, многие люди участвуют в производстве и продаже сигарет и других бесспорно вредных веществ, а также в их рекламе и финансировании.

Третий запрет касался производства оружия или торговли им. Первые буддисты понимали под оружием луки и стрелы, копья и мечи. Однако по сравнению с этими примитивными зачатками торговли оружием наши наиболее продвинутые культуры достигли значительного прогресса – так говорят – в развитии удивительно безопасных и благородных способов обеспечить себе победу над врагами цивилизованных ценностей. Но любое участие в создании этих средств разрушения, какими бы «разумными» они не были, запрещено как неправильный способ получения средств к существованию. Нельзя оправдать никакую войну, никакую идею о том, что оружие является средством устрашения, как бы «умны» не были эти бомбы.

Эти запреты, несомненно, предназначаются для мирян, но есть также определенные способы зарабатывать себе на жизнь, которые запрещаются специально для монахов. Например, различные формы гадания, которые были весьма многочисленны в дни Будды, перечисляются и совершенно запрещаются в писаниях. Однако по всему буддийскому миру к монахам и в наши дни обращаются миряне для предсказаний будущего, и, к несчастью, многие монахи извлекают выгоду от этой веры в силу их предсказаний.

Монахам также запрещено зарабатывать себе на жизнь показом сверхъестественных способностей или обещания сверхъестественных способностей другим. Причина этого на самом деле очевидна. Людей, что естественно, всегда интересуют сверхъестественные явления, экстрасенсорные способности и так далее. В наши дни такие вещи обычно воспринимаются более серьезно на Востоке, но в определенных кругах на Западе также существует сильное – и нездоровое – увлечение идеей обретения мистических и оккультных способностей, недоступных другим людям. Если вы поманите кого-то сверхъестественными способностями, вы можете, если это люди легко управляемы, завести их куда угодно.

Однажды у меня была возможность сделать это самому. Когда в 50-х я жил в Калимпонге, однажды вечером в середине сезона дождей у меня на пороге появился англичанин. Я уже привык к неожиданным посетителям, поэтому пригласил его в дом, и он представился. Он был врачом, получившим образование в Дублине. Довольно скоро я добрался до вопроса о том, что привело его в Калимпонг. Он прямо сказал: «Я хочу развить сверхъестественные способности». Это был не первый случай, когда человек говорил мне о подобной заинтересованности, и я просто сказал: «А какие способности вы хотите развить?» Он сказал: «Я хочу уметь читать мысли других людей и видеть будущее». Он совсем не прикидывался, он довольно открыто говорил о том, чего хотел. Тогда я спросил его: «Почему вы хотите развить подобные способности?» Он просто ответил: «Это поможет мне в работе». Что это оказалась за работа, в данном случае я не считаю уместным сказать, я укажу только, что он был учеником Лобсанга Рампы, который написал множество книг о самых мифических и нереальных сторонах тибетского буддизма. Вдохновленный одной из самых удачных из этих книг, «Третьим глазом», мой посетитель искал тибетского ламу, который совершит операцию и раскроет его третий глаз. Он верил, что она заключается в том, что кто-нибудь просверлит маленькую дырку у него во лбу и, следовательно, наделит его ясновидением, которого он жаждал.

Можно представить, какому соблазну подвергают подобные люди лам и монахов. Его мог бы выдоить как корову любой недобросовестный учитель, готовый потворствовать его желанию развить сверхъестественные способности. Из того, что он мне сказал, это стало совершенно очевидным: «Если кто-нибудь научит меня этим вещам, я готов предоставить в его распоряжение очень большую сумму денег». К несчастью, он безвременно скончался, но прежде несколько людей получили от него тем или иным способом довольно много денег.

Таковы общие запреты в том, что касается способов добывания пропитания. Однако Будда не ограничился этим, поскольку, как мы знаем, экономические отношения – это одна из самых распространенных сфер эксплуатации в человеческой жизни в целом. Наниматели эксплуатируют наемных работников, если им это удастся, а наемные работники эксплуатируют своих нанимателей, если только у них появляется такая возможность. Мы склонны считать, что проблемы подозрений и эксплуатации между управляющими и рабочей силой, капиталом и трудом, советом директоров и работниками предприятия, свойственны лишь современности. Но Будда уделил значительное внимание этому вопросу в своем совете Сигалаке, записанном в «Сигалака-сутте». В разделе проповеди, посвященном отношениям нанимателя и наемного работника, Будда перечисляет пять обязанностей нанимателя по отношению к наемному работнику и пять обязанностей наемного работника по отношению к нанимателю⁹⁹. Все вместе они составляют общее руководство по отношениям между трудом и капиталом и бизнес-правила экономической этики для буддистов.

Говоря, прежде всего, об обязанностях нанимателя, Будда отмечает, что наниматель

должен предоставить наемному работнику работу согласно его телесным и умственным силам – то есть ту работу, которую он может выполнять, не причиняя себе вреда. К несчастью, и спустя две с половиной тысячи лет этот принцип не всегда соблюдается, и уж точно – не в Индии. В Индии в наши дни тысячи мужчин и женщин зарабатывают себе на жизнь как кули, чернорабочие. К ним относятся как к вьючным животным, они переносят тяжелые грузы на спинах или, чаще, на головах, и любой, кто побывает в Индии, увидит их за этой работой. Кули находятся в самом низу экономической лестницы, и у них нет практически никакой надежды подняться выше этого уровня, несмотря на то, что им, возможно, помимо себя приходится поддерживать растущую семью.

Проблема с точки зрения торговца, который нанимает определенное число кули, чтобы перенести, скажем, мешки с рисом, заключается в том, что некоторые кули не могут нести столько же, сколько остальные, и двигаться столь же быстро, особенно если они стары или больны. Это может шокировать, но решение для очень многих процветающих торговцев заключается в том, чтобы удостовериться, что все кули в равной степени отработывают свои деньги. Это на самом деле зрелище, достойное сострадания, – пожилой человек, преждевременно состарившийся, бредет один, вены у него выступают наружу, мышцы натянуты как бечевки, по телу струится пот, и он изнемогает от груза, который ему совсем не по силам. То же самое происходит и с рикшами, которых можно было увидеть по всей Азии (хотя это осталось в прошлом, чему я рад). Они проживали очень недолгую жизнь. Обычно они начинали тянуть рикши в пятнадцать или шестнадцать лет, а к двадцати пяти у них уже был туберкулез, и им оставалось жить лишь несколько месяцев. Несоответствие питания и огромного физического напряжения от работы буквально убивало их.

Но довольно долго это никого не беспокоило. Я ясно помню свой первый приезд в Шри-Ланку, когда меня против моей воли принудили к поездке в повозке рикши. Когда мы быстро продвигались по улице, я все время говорил кули идти медленнее, но он не понимал меня – он думал, что, как большинство его нанимателей, я говорю ему идти быстрее. Чем больше я уговаривал его, тем быстрее он бежал, пока мне не пришлось приказать ему остановиться. После этого я использовал рикшей только в случае крайней необходимости, и даже тогда я выбирал тех, кто посильнее и покрепче, и настаивал, чтобы они шли относительно размеренным шагом. Оглядываясь назад, мне, возможно, вообще не стоило прибегать к их услугам, но в те времена у них, по-видимому, не было никакой другой работы. Однако Будда довольно четко указывал, что нельзя нанимать человека на работу, которая превосходит его естественные способности.

Во-вторых, Будда сказал, что наниматель должен давать наемному работнику достаточно пищи и денег. Таков обычай, существующий до сих пор в некоторых частях Индии. Если вы нанимаете кого-то, вы даете ему пищу и одежду, а также деньги на мелкие расходы, а не жалованье. В действительности принцип заключается в том, чтобы давать пищу и деньги, достаточные в том смысле, чтобы обеспечить наемному работнику полное и достойное человеческое существование, а не просто обеспечить его, чтобы этого было достаточно для продолжения работы. Между количеством выполняемой работы и оплатой не должно быть никакой связи. Даже если наемный работник силен и здоров, и его производительность огромна, ему не нужно платить больше, чем его более слабым или даже ленивым собратьям, он должен только получить то, в чем нуждается, в порядке вознаграждения. Мы привыкли считать, что нужно награждать человека за упорную работу и наказывать тех, кто недовыполняет свою норму: сколько работы сделано, столько денег и

получено. Но, хотя это и эффективный стимул для изобретательности и предприимчивости, в идеале буддист должен находить этот стимул где-то еще. Если стимулом выступает жадность, вы подпитываете это загрязнение своего ума.

Наемному работнику Будда предписывает выполнять свою работу с такой точностью, на которую он способен, а нанимателю – обеспечить нужды наемного работника. Эти нужды заключаются не просто в поддержании существования – это средства вести полноценную человеческую жизнь. Наше общество больше не разделено так жестко на нанимателей и наемных работников, как в дни Будды, но Будда, безусловно, не рекомендовал эту особую социальную структуру своего времени, он просто указывал на ключевой принцип, согласно которому люди в его обществе должны были сделать экономические отношения человеческими по сути.

Мы можем попытаться поступать также в нашем собственном обществе. Такой радикальный план, который становится предметом обсуждения время от времени и на самом деле очень эффективно выражает принцип отсутствия эксплуатации, – это идея о том, что по достижении совершеннолетия правительство должно выделять каждому основную стипендию, покрывающую стоимость пищи, одежды и крова, независимо от того, работает человек или нет. Если люди хотят больше – хотят путешествовать, покупать дорогостоящее электронное оборудование, ходить в кинотеатры и рестораны, вести роскошный образ жизни, который большинство людей видят в своем воображении необходимым, им придется работать. Но в культуре изобилия люди должны работать потому, что им этого хочется, – потому, что они хотят внести творческий вклад в свое общество или потому что хотят немного большего, или и того, и другого одновременно, – а не просто для того, чтобы выжить. Таким образом, государство должно поддерживать духовное сообщество, позволяя личностям, которые хотят посвятить себя творческой, но финансово неприбыльной деятельности – медитации, обучению, даже искусству – сделать это, если они готовы вести очень простую, даже монашескую жизнь.

В-третьих, Будда говорит, что наниматель должен обеспечить наемному работнику медицинский уход и поддерживать его в старости. Это действительно реализуется в наши дни, когда у нас есть пенсии, страховки и так далее, но нам понадобилось два тысячелетия для того, чтобы воплотить этот план Будды. В-четвертых, Будда говорит, что работодатель должен делиться с наемным работником любой добавочной прибылью, которую он получает. То есть вы не используете прибыль только на ваши собственные цели, говоря своим работникам, что им придется смириться с основным доходом, поддерживающим их существование. И снова, мы подошли к этой идее лишь недавно, в наши дни, в форме схем бонусов. И, наконец, в-пятых, долг нанимателя, согласно Будде, заключается в том, чтобы обеспечить работнику праздничные дни и пособия в особых случаях – и это тоже стало темой широкого обсуждения в наши дни. Однако мы не должны упускать из виду ключевой принцип, выраженный в совете Будды – установление человеческого измерения экономических отношений – что не всегда можно свести к бонусным схемам, отпускам и пенсиям.

Таковы пять пунктов, которые отмечает Будда в качестве руководства для нанимателя по отношению к работнику. У работника также есть определенные обязанности. Первая из них заключается в том, что он должен быть пунктуальным. Индийцы славятся своим отсутствием пунктуальности. Поезда могут прибывать с опозданием в два или три часа. Человек может сказать: «Я приду к тебе в гости в три», – а увидите вы на следующей

неделе. Публичная встреча может быть назначена в рекламе ровно на восемь, но вы слишком наивны, если появитесь в это время: вы можете обнаружить, что на месте никого нет. Встречу не отменили: если вы подождете до девяти, появятся организаторы, к десяти поставят помост. В одиннадцать начнут собираться зрители, а в полдвенадцатого вас пригласят начать лекцию. На Западе мы гораздо более пунктуальны, но принцип Будды заключается не столько в соответствии времени, сколько в том, что вам вообще не нужны часы. На самом деле, Будда предполагает, что вы пытаетесь начать работу еще до того, как придет ваш наниматель: вы не просто приходите на работу, чтобы вас видели работающим.

Во-вторых, наемный работник должен заканчивать работу после нанимателя. Вы должны освободиться от постоянной привычки смотреть на часы. Вы не бросаете инструменты, как только бьют часы. В-третьих, наемный работник должен быть искренним и оправдывать возложенное на него доверие. Это довольно очевидно, как и четвертый пункт, который заключается в том, что наемный работник должен выполнять свою работу так, чтобы это удовлетворяло нанимателя. В-пятых, работник должен хорошо отзываться о своем нанимателе. Должно быть, Будда понимал, как охотно работники обсуждают босса за его спиной, как и в наши дни. Они могут быть ответственными и уважительными в рабочие часы, но из того, что вы услышите за дверями компании, складывается совсем другое представление.

Будда напоминает нам, что, как и любые отношения, экономические отношения не должны строиться на противостоянии, в котором все, что вы ощущаете, вы можете выразить как бессилие и неудовлетворенность. В идеале это счастливые, гармоничные отношения, в которых нет эксплуатации ни с той, ни с другой стороны. Каждый принимает от другого то, что ему нужно, не причиняя вреда, и дает то, что может. Если вы наниматель, вы получаете пользу от труда и навыков своих работников и также принимаете на себя ответственность за то, чтобы их потребности были удовлетворены. Если вы наемный работник, вы работаете, насколько вам это позволяют ваши способности, и берете все необходимое из этой рабочей ситуации. Нет нужды в беспощадных, затяжных переговорах между нанимателями и союзами, как будто они находятся в противоположных лагерях и договариваются о перемирии между враждующими армиями. Как Будда говорит Сигалаке, «Так защищается надир (надир – это направление, которое обозначает отношения между «хозяином и слугой»), где устанавливается мир и свобода от страха».

Глава 18

Отсутствие эксплуатации

*Как пчела берет мед из цветка,
Не причинив вреда его цвету и аромату,
Так и монах пусть проходит по деревне¹⁰⁰.*

Это строки из «Дхаммапады», древней и глубоко почитаемой антологии стихов, которая стала первым буддийским текстом, переведенным с оригинального пали на европейский язык (в данном случае – латынь). Для буддийских писаний свойственно заимствование разнообразных иллюстраций, метафор, сравнений и притч из повседневной жизни в Индии, и именно так происходит в этой строфе из «Дхаммапады», которая взята из главы под названием «Цветы», названной так, потому что в каждой строфе упоминается цветок какого-то вида или цветы в целом в качестве иллюстрации.

Любой, кто жил в Индии или в любой из буддийских стран Юго-Восточной Азии, знаком с вечной картиной, упоминаемой в этой строфе: монах, идущий собирать милостыню в деревню. Я сам был в подобной ситуации, когда был бродячим монахом и пешком переходил с места на место. Но достаточно часто я видел это и со стороны, и опишу это с точки зрения наблюдателя. Обычно монахи выходят за милостыней очень ранним утром, потому что в Индии нет традиции есть в середине дня. Люди едят то, что мы назвали бы обедом, примерно в девять утра, и это обильная пища состоит главным образом из риса. После этого – по крайней мере, в деревнях – люди отправляются на работу в поля и не возвращаются домой поесть до пяти-шести часов вечера. Поэтому, если монах хочет наполнить чашу, он должен отправиться в путь на рассвете, покинув монастырь и молча двигаясь среди пустынных улиц, ненадолго останавливаясь у каждого дома.

В буддизме принято, что во время этого обхода для сбора подаяний, как это называют, монах должен просто тихо останавливаться у каждой двери со своей чашей для подаяний, ни о чем не прося. Но люди обычно высматривают в это время, не идут ли монахи, поэтому, к примеру, ребенок вбегает в дом и говорит: «Мама, здесь монах», – и мама говорит, – «Хорошо, попроси его подождать». Затем она быстро зачерпывает немного риса и карри и откладывает их, чтобы положить в чашу монаха. Затем монах читает строфы благословения на пали, и уходит, чтобы остановиться у двери следующей хижины.

Идея заключается не в том, чтобы получить всю пищу в одном доме, но в том, чтобы взять везде понемногу. В Индии даже в наши дни индийские садху следуют этому обычаю. Он называется *мадхукари бхикса*, что означает «собирать подаяние, как пчела собирает мед». Как пчела берет немного пыльцу из каждого цветка, так и монах принимает немного пищи в одном доме, немного – в другом, пока у него не будет достаточно, чтобы ему хватило на день.

Пища – лишь одна из четырех вещей, которых, как традиционно говорится, монах может ожидать от покровителей-мирян. Эти четыре вещи, требуемые или необходимые для жизни, таковы: во-первых, еда, во-вторых, одежда, особенно в форме шафрановых одеяний, в-третьих, кров, будь это временная хижина, монастырь или нечто среднее, и, в-четвертых, лекарства. Когда монах проходит посвящение, ему говорят, что это все, чего он должен ожидать от мирян, и все, что он может от них принять.

Идея заключается в том, что монах или монахиня – то есть, человек, посвятивший себя религиозной жизни – должны принимать от поддерживающих их мирян только то, что

необходимо для того, чтобы они могли практиковать медитацию, учиться и учить Дхарме и продвигаться вперед на пути к Просветлению. Неизбежно, спустя две с половиной тысячи лет истории буддизма добавилось еще несколько вещей к этому списку того, что необходимо. Самое важно дополнение, – это, вероятно, книги: в современные времена собрание нескольких книг чаще всего считается жизненно необходимым.

Но буддийские монахи все еще ведут в целом чрезвычайно простую жизнь, принимая пищу один или в крайнем случае два раза в день, живя довольно скромно в домиках или хижинах, имея минимум одежды (чего достаточно в тропических странах) и самые простые лекарства. Иногда эти лекарства, как говорят, делаются из галлов и коровьей мочи. Это не так странно, как может показаться: из коровьей мочи можно извлечь аммоний, который полезен во многих отношениях. Многие буддисты принимают коровью мочу, так сказать, с религиозным рвением, и утверждают о ее целительных силах. Действительно, один очень ортодоксальный монах из Шри-Ланки, с которым я регулярно переписывался, написал мне, когда я однажды лежал в постели больной в Бенаресе, и строго-настрою порекомендовал мне принять коровью мочу, уверяя меня, что, если я сделаю это, я никогда в жизни больше не заболею. (Я не внял его совету, потому не могу за это поручиться).

Но люди на Западе часто говорят: «Хорошо, все это замечательно. С точки зрения монаха все здорово устроено: он получает пищу, одежду, кров, возможно, в прекрасном монастыре, лекарство, если он болен. Его всем обеспечивают, и он может в тишине заниматься учебой, медитацией, литературной работой или молитвами, – тем, что, по его мнению, лучше ему подходит. Но что он делает взамен?»

Традиционный ответ на этот вопрос таков: ничего. Он получает все необходимое и абсолютно ничего не делает в ответ. Никто даже не ждет от него ничего взамен, и монаху не приходит в голову, что он должен что-то давать в ответ. Все, что вы даете монахам или монахиням, дается на поддержание сангхи, а не в качестве платы за учение. Соответственно, учение не дается в ответ на эту поддержку. Монах принимает то, что ему нужно, а отдает то, что имеет, но между этими двумя вещами нет связи, нет соответствия между тем, что вы даете, и тем, что вы получаете, нет отношений, основанных на взаимной выгоде. Вы не думаете о том, чтобы перевести то, что вы даете, в такое же, эквивалентное количество того, что вы должны получить. Вы отделяете одно от другого. Когда вы можете дать, вы даете. Когда вы нуждаетесь, вы принимаете. Нет и речи о заключении сделки. Как пчела принимает пыльцу из цветка, если она ей необходима для того, чтобы сделать мед, не причиняя цветку никакого вреда, так и монах тихо и мягко принимает то, что ему нужно, не причиняя никакого вреда деревне. В обоих случаях эксплуатация отсутствует.

Следовательно, такова в идеале природа отношений между мирянами и «аскетами и браминами», которые Будда называет последними в перечислении шести видов отношений, которым Сигалака, как и все мы, должен уделять внимание. Но, возможно, эти отношения – самые непонятные для нас среди прочих: западные буддисты обычно не размышляют о традиционном противопоставлении монахов и мирян, хотя, возможно, легче рассматривать это как различие между полностью вовлеченными и частично вовлеченными членами сангхи, которое мы рассматривали в одной из предыдущих глав. Но есть и еще один аспект этой строфы «Дхаммапады», который в большинстве переводов недостаточно ясен, но он расширяет смысл того, что сказано, за пределы отношений монахов и мирян. Это касается слова «монах».

Первая проблема заключается в том, что в буддизме это слово не имеет ничего общего с западным представлением о монахе. Эта проблема еще более усугубляется тем, что именно словом «монах» передается обычно слово «бхиккху», в то время как в этой строфе упоминается не слово «бхиккху», а слово «муни». В некоторых контекстах под «муни» имеется в виду монах в смысле «бхиккху», но не всегда. «Муни» - это, по сути, мудрец, святой или отшельник. Будда именуется не только «Буддой», ему принадлежит много других титулов, среди которых – Шакьямуни, «мудрец из племени Шакья». «Муни» также связано со словом «мауна», что на санскрите, как в современных языках северной Индии, означает «тишина». То есть «муни» - это тот, кто пребывает в тишине или даже тот, кто соблюдает обет тишины. Такое двойственное значение слова "муни" некоторые переводчики передают как «безмолвный мудрец».

Это сочетание значений отражает интересную взаимосвязь идей: оно предполагает, что «молчание» и «мудрость» идут рука об руку, что мудрец много не говорит. Мудр ли он, потому что молчалив, или молчалив, потому что мудр, или и то, и другое одновременно, трудно сказать. В любом случае, очевидно, что мы здесь говорим не просто о монахах. Становится еще очевиднее, что значит «муни», когда мы принимаем в расчет, что эти строфы – очень древние, одни из самых ранних (как и некоторые отрывки «Сутта-Нипаты») среди всех буддийских писаний. Некоторые ученые полагают, что «муни» – то слово, которым буддисты называли ученика Будды, который сам обрел Просветление. Согласно этой теории, слово «архат» – обозначение этого идеала, которое стало столь привычным, – появилось позднее.

Следовательно, мы можем говорить о более широком, всеобъемлющем значении этой строфы, заменяя строку «так и монах пусть проходит по деревне» словами «так и мудрец пусть живет в мире». Таким образом, то, что кажется запретом, ограниченным кругом тех, кто, по крайней мере, формально является монахами, становится применимым ко всем, кто живет в мире. То, что это так важно, поскольку это устанавливает фундаментальный принцип нравственной и духовной жизни, который заключается в том, что мудрый человек не использует никого и ничто. Может показаться, что понять это очень просто, но если тщательно и систематично применять это на практике, результаты на самом деле будут далеко идущими.

Если мы мудры, мы берем у общества, у других, у нашего окружения то, что нам объективно нужно для того, чтобы поддерживать жизнь, работать и развиваться духовно. Но мы не причиняем вреда отдельным людям, обществу в целом и окружающей среде. И мы отдаем, что можем. Каким бы нереалистичным не казался этот идеал, время от времени мы находим его отражение в реальных работающих отношениях, и нет причины, по которой нельзя было бы воплотить его в контексте любого рабочего окружения. Более того, принцип отсутствия эксплуатации распространяется намного дальше сферы экономики. Он обладает психологическими и даже духовными последствиями, которые могут распространяться на всю сферу личных отношений, особенно на более личные отношения.

Мы не просто решаем из прихоти, что кто-то нам нравится. Нам нравятся люди, потому что они удовлетворяют определенную потребность, которая у нас есть, – потребность, которую мы обычно не осознаем, хотя можем осознать ее, если попытаемся. Если мы не попытаемся осознать, каковы наши собственные потребности, мы, скорее всего, рационализируем нашу симпатию к человеку: мы говорим, что кто-то нам нравится, потому что они внимательны и добры, или любят животных, как и мы, или точно так же

заинтересованы в буддизме. Но за этими рациональными восхвалениями часто действует нечто другое. Возможно, этот человек удовлетворяет нашу потребность во внимании, психологическую потребность быть в самом центре происходящего. Пока эта потребность сохраняется в нас, мы будем продолжать стремиться к ее удовлетворению. И, если мы получаем от кого-то нужное нам внимание, очевидно, что мы захотим продолжения этих отношений.

Но как мы собираемся убедиться в том, что они действительно продолжатся? Большинство из нас, осознаем мы это или нет, обнаруживает, что наилучший способ сделать это – выяснить, в чем нуждается другой человек, и удостовериться в том, что этот человек также удовлетворяет свою потребность. Например, им может сильно недоставать внутреннего достоинства, что проявляется в жадном стремлении к тому, чтобы их ценили. Сосредотачиваясь на этом, мы начинаем говорить: «Какой ты чудесный писатель – мне бы так обращаться со словами» или «Ты на самом деле нарисовал это сам? Как тебе удалось достичь такого волшебного эффекта?» Мы даем им то, в чем, как мы ощущаем, они нуждаются, чтобы они стали зависимы от нас из-за того удовлетворения, которое мы им даем, точно так же, как сами становимся зависимыми от них из-за удовлетворения наших собственных потребностей. В двух словах, совместно мы создаем отношения взаимной зависимости и эксплуатации. Заключается бессознательная сделка – это основа большинства человеческих отношений. Поскольку весь процесс более или менее бессознателен, ни один участник сделки не задается вопросом, обоснованна ли эта потребность, или это искусственная и нездоровая потребность, которой было бы лучше не потворствовать. В такой ситуации отношения, скорее всего, либо заканчиваются катастрофой, либо превращаются во все более скучные и рутинные.

Означает ли это, что мы никогда не должны искать в другом человеке удовлетворения своих потребностей? Разве у нас нет некоторых здоровых психологических потребностей? Ответ на этот вопрос находится в той же самой строфе из «Дхаммапады». Да, у нас есть оправданные потребности – материальные потребности, психологические потребности, духовные потребности, – но мы должны удовлетворять их, как пчела берет пыльцу из цветка, не эксплуатируя человека, который удовлетворяет эти потребности.

Есть два вида потребностей. Под влиянием первого вида мы бессознательно вовлекаемся в ситуацию взаимного использования. Другой вид потребностей – те, которые более сознательны, более осознанны. Это не погоня за сделкой, но все углубляющийся дух взаимного даяния, без какой бы то ни было мысли об обратной прибыли. Это случается в отношениях родителей и детей, если они удачны. Родители охотно отдают себя детям, не думая о том, вознаградят ли дети их позднее за усилия. Подобно этому, дети отдают все, что могут, своим родителям, не задумываясь обо всем, что сделали для них их родители, а просто отдавая им это, потому что они их любят.

Принцип отсутствия эксплуатации и взаимной щедрости – это ключ к философии Будды в том, что касается личных отношений, будь это политические, религиозные, экономические, религиозные или более близкие личные отношения. Это принцип, примером которого являлся сам Будда. Он провел сорок пять лет, пешком путешествуя по северо-восточной Индии и проповедуя. Все, что он получал от других людей, – один прием пищи в день, несколько ярдов желтой ткани, маленькую хижину неподалеку, возможно, в чьем-нибудь саду, которую он занимал иногда, и время от времени – лекарство.

То, что он брал, было бесконечно мало. Но то, что он отдавал, неисчислимо: на самом

деле, его природа – то, что нельзя измерить или сделать предметом сделки. Его дары – сострадание, понимание, симпатию, мудрость, наставничество, любовь – по самой своей природе можно отдавать, лишь не думая о вознаграждении. Он был совершенным примером своей философии личных отношений. Он брал лишь то, в чем нуждался, он отдавал все, что должен был отдать. Философия, противоположная этой, – своего рода ментальность лавочника, проклятие человеческой расы. И во всех наших отношениях мы можем выбрать между двумя этими отношениями.

Глава 19

Благодарность

Обычно под влиянием книг или даже буддийских писаний мы думаем о Просветлении Будды как о событии, произошедшем в определенное время, около двух с половиной тысяч лет назад, – и, конечно, в каком-то смысле так и есть. Мы также склонны считать, что это произошло в определенный день, в определенный час, даже в определенную минуту, в то мгновение, когда Будда совершил прорыв из обусловленного в Необусловленное.

Но, если мы немного поразмышляем и немного глубже изучим писания, мы увидим, что это произошло не так. Здесь мы можем обратиться к различию между путем видения и путем преобразования – различию, которое обычно проводится в связи с Благородным восьмеричным путем. На пути видения человек обретает опыт запредельного, глубокое проникновение в подлинную природу Реальности, которая далеко выходит за пределы любого чисто интеллектуального понимания. Это проникновение постепенно пропитывает и преобразует каждый аспект существа – тело, речь и ум, если использовать традиционную буддийскую классификацию. Оно преобразует все наши действия. Оно, по сути, превращает нас в совершенно другого человека – более мудрого и сострадательного человека. Это процесс известен как путь преобразования¹⁰¹.

Нечто подобное происходит в духовной жизни каждого из нас, без исключения. И мы видим, что то же самое происходит, на гораздо более возвышенном уровне, в случае с Буддой. Видение Будды безгранично, абсолютно и всеобъемлюще, а преобразование его тела, речи и ума можно, следовательно, описать как полное, даже бесконечное. Но, тем не менее, для того, чтобы это окончательное преобразование произошло, понадобилось некоторое время. В буддийской традиции говорится, что Будда провел семь – или девять – недель (сведения различаются) рядом с деревом бодхи, деревом, под которым он достиг Просветления. На протяжении каждой недели происходило какое-то важное событие. Можно сказать, что опыт Просветления Будды начал просачиваться через его существо, пока к окончанию последней недели (седьмой или девятой) процесс преобразования не был, наконец, завершен.

На одной неделе поднялась великая буря, и Будду, как рассказывается, укрыл от дождя царь змей Мукалинда, который раскрыл свой семиглавый капюшон над головой Будды, когда тот медитировал. На другой неделе Брахма Сахампати, правитель тысячи миров, попросил Будду учить Дхарме, говоря, что, по крайней мере, некоторые существа в мире будут способны понять ее, поскольку их глаза лишь слегка припорошены пылью. И Будда, исполнившись сострадания, согласился давать учение.

Но здесь я хочу сосредоточиться на другом эпизоде, который произошел в самом начале того времени, когда Будда только что достиг Просветления, – согласно одному из источников, на второй неделе. Согласно этой традиции, Будда стоял на северо-востоке в отдалении от дерева бодхи и целую неделю смотрел на дерево немигающими глазами¹⁰².

Столетия спустя в этой самой точке была поставлена ступа, отмечающая то место, где Будда смотрел на дерево бодхи. Она стала известна как «ступа немигающих глаз», и Хуан Цанг, великий китайский паломник, видел ее, когда посетил Индию в седьмом веке. В мемуарах, которые он продиктовал в старости своим ученикам в Китае, он так ее описывает: «По левую сторону от дороги, к северу от места, где шел Будда, есть большой камень, на вершине которого, стоящего в большой вихаре, находится фигура Будды, и его глаза подняты

и смотрят вверх. Здесь давным-давно сидел Будда [он говорит «сидел», но в тексте источника написано «стоял»], семь дней созерцая дерево бодхи¹⁰³.

Возможно, Будда не сидел и не стоял так в буквальном смысле целую неделю, но мы можем принять тот факт, что он очень долго смотрел на дерево бодхи. И в первоначальном тексте ясно сказано, почему. Он сделал это, потому что был благодарен дереву за то, что оно стало ему укрытием во время достижения Просветления. Согласно писаниям, Будда проявлял благодарность и другими способами. После того, как Брахма Сахампати обратился к нему с просьбой учить Дхарме, и Будда решился это сделать, он стал раздумывать, кого он может ей научить. Прежде всего, он подумал о двух своих прежних учителях, у которых он научился медитировать незадолго до того, как покинул дом. Найдя их учение недостаточным, он оставил их, но эти учителя помогли ему на определенном этапе пути, и после своего Просветления Будда вспомнил об этом. Он как будто ощущал, что у него есть перед ними духовный долг, и хотел отблагодарить их. Но он быстро понял, что его старые учителя уже мертвы.

Затем он подумал о пяти своих бывших товарищах. Этих людей он также знал на раннем этапе своих духовных поисков, во времена своих опытов в аскетизме. Покинув двух своих первых учителей, он стал практиковать крайности умерщвления плоти в компании пяти друзей, которые стали его учениками и очень им восхищались, поскольку он продвинулся в умерщвлении плоти дальше, чем кто-либо в те времена. Но со временем будущий Будда увидел тщетность аскетизма, осознал, что он не приведет его к Просветлению, и отказался от него. Когда он снова начал принимать твердую пищу, лишь несколько горстей риса, чтобы поддержать себя, пять аскетов покинули его в отвращении, сказав: «Шрамана Гаутама вернулся к роскошной жизни». Но не это расставание осталось в памяти Будды. Поняв, что два его старых учителя мертвы, он подумал: «Пять аскетов оказали мне великую помощь, когда я практиковал истязания. Я бы хотел проповедовать Дхарму им». Именно это он и сделал. Он отправился к ним, стал учить их, и со временем они тоже постигли Истину, которую постиг он. И он сделал это из благодарности.

Поэтому Будда, только что обретший Просветление, был *благодарным* Буддой – представление, которое, возможно, нам не знакомо. Мы думаем о Будде, обладающем совершенной мудростью, сострадательном Будде, изобретательном Будде, но обычно не думаем о благодарном Будде. Но одной из первых вещей, которые Будда сделал после достижения Просветления, стало проявление благодарности тем, кто ему помог. Он был благодарен даже дереву.

Даже один этот случай дает нам пищу для размышлений. В буддийских писаниях содержится целый ряд отрывков, которые показывают, что Будда и его ученики не относились к деревьям и камням как к неодушевленной мертвой материи. Они относились к ним как к живым существам. Они даже вступали с ними в общение: они могли заговорить с деревом или цветком, или, скорее, с духом – девата, как они его называли, – населяющим его. Несомненно, гораздо лучше придерживаться такого отношения, быть анимистом, чем считать деревья, цветы, скалы и камни просто мертвой материей. Будда определенно так не считал, и, следовательно, мог испытывать благодарность даже по отношению к дереву.

Неудивительно, учитывая, что таково было отношение самого Будды, что благодарности нашлось место в его нравственном и духовном учении. Это можно обнаружить, например, в «Мангала-сутте», «Сутте благословений или благоприятных

знаков». Эта сутта, входящая в состав Палийского канона, очень коротка, и часто считается, что в ней собраны воедино все обязанности, как это можно назвать, серьезно настроенного буддиста, и благодарность перечисляется как один из благоприятных знаков. Согласно «Мангала-сутте», это знак того, что вы продвигаетесь по духовному пути¹⁰⁴.

Но что такое благодарность? Что мы имеем в виду, когда используем это слово? Чтобы выяснить это, мы можем обратиться к словарям – и, конечно, нам стоит быть очень благодарными создателям словарей. Я лично очень благодарен Сэмюэлю Джонсону. Его исторический словарь всегда у меня под рукой в кабинете, и когда я пишу что-то, я иногда обращаюсь к нему по несколько раз в день. Джонсон определяет благодарность как «долг перед благодетелями» и «желание вернуть добро». Если обратиться к более современному словарю, в «Кратком оксфордском словаре» говорится, что это значит «быть признательным, проявлять готовность выказать то, что ты ценишь доброту и готов ее вернуть», а в словаре Коллинза благодарность – это «чувство признательности, оценка по достоинству подарков или услуг».

Таковы определения английского слова, и они на самом деле дают нам некоторое понимание того, что такое благодарность. Но с буддийской точки зрения мы должны заглянуть глубже и обратиться к палийскому слову, которое переводится как «благодарность»: *катаннута*. «*Ката*» означает что-то, что было сделано, в особенности то, что было сделано тебе, а «*аннута*» значит «знание» или «признание» того, что было сделано на благо кого-то. Эти определения указывают на то, что оттенки палийского слова во многом отличаются от его английского перевода. Оттенки английского слова «благодарность» эмоциональны – мы говорим об «ощущении» благодарности. Но оттенки слова «*катаннута*», скорее, более интеллектуальны, более познавательны. Это ясно указывает на то, что то, что мы называем благодарностью, подразумевает элемент *знания*: знания того, что было сделано нам или для нас на наше благо. Если мы не знаем, что нам принесли какую-то пользу, мы не почувствуем благодарности.

Будда знал, что дерево бодхи стало ему укрытием, и знал, что его пять бывших товарищей помогли ему, поэтому он чувствовал к ним благодарность. И не только: он выразил это чувство. Он выразил его, когда целую неделю просто смотрел безотрывно на дерево бодхи, а затем отправился на поиски своих пяти бывших товарищей, чтобы передать им истину, которую он обнаружил. Следовательно, важно отметить, что совершенно естественно ощущать благодарность за благо, которое мы получили.

Но благо нужно распознать как благо. Если мы не чувствуем, что кто-то или что-то на самом деле приносит нам благо, мы не почувствуем к ним благодарности. Это предполагает, что мы должны понять, что действительно приносит нам пользу, что действительно помогает нам расти и развиваться как человеческим существам. Мы также должны знать, кто или что принесло нам пользу, и помнить, что это случилось, – иначе мы не сможем ощутить благодарности.

В буддизме традиционно существует три основных объекта благодарности: наши родители, наши учителя и наши духовные друзья. Мы уже рассмотрели некоторые аспекты каждого из этих отношений. Здесь я хочу немного поразмышлять о благодарности в отношении каждого из них.

Я вернулся в Англию, проведя непрерывно двадцать лет на Востоке за изучением, практикой и преподаванием Дхармы. Когда я вернулся, я понял, что многое изменилось.

Некоторые вещи особенно поразили меня своей необычностью – я не сталкивался с ними в Индии, по крайней мере, не до такой степени. Одна из вещей, которая, несомненно, удивила меня – открытие того, насколько много людей, по крайней мере, среди тех, кого я знал, были не в ладах со своими родителями. Возможно, это особенно бросилось мне в глаза, потому что я общался с людьми, озабоченными собственным духовным развитием и желающими исправить себя эмоционально и психологически.

Если человек не ладит со своими родителями, что-то с ним серьезно не так. Возможно, не будет преувеличением сказать, что такое положение дел оказывает влияние на всю эмоциональную жизнь человека, по крайней мере, косвенно. Поэтому я обычно побуждаю людей к тому, чтобы они восстановили хорошие отношения со своими родителями, если так произошло, что они отделились от них по какой-либо причине. Я побуждал людей быть более открытыми со своими родителями и развивать добрые чувства по отношению к ним. Это было особенно необходимо в контексте практики метта-бхаваны, развития любящей доброты. Людям надо было научиться развивать метту даже по отношению к собственным родителям, и для тех, у кого было трудное детство, кто даже так или иначе пострадал от рук своих родителей, это было непросто. Но, даже если так, в интересах их собственного эмоционального, психологического и духовного развития было необходимо, чтобы они преодолели те чувства горечи и обиды, которые они скрывают.

Некоторые люди, как я обнаружил, обвиняли своих родителей в самых разных вещах – подобное отношение отражено в известном маленьком стихотворении Филипа Ларкина «Вот те стихи». В этом стихотворении Ларкин выражает довольно грубым языком то, что по его мнению, сделали с вами ваши папа и мама, и делает из этого довольно безрадостный вывод. Последняя строфа стихотворения такова:

*Свою ничтожность человек
в потомстве множит через край.
Скорей решайся на побег –
и сам детишек не строгай.*

(Пер. Г. Яропольского)

Что за мрачное, противное стихотворение! В 1995 году, однако, его признавали одним из любимых стихотворений британцев, которое занимало место между «Я помню, помню» Томаса Гуда и «Змеей» Д.Х. Лоуренса. Тот факт, что стихотворение Ларкина стало таким популярным среди интеллектуальных почитателей поэзии, дает пищу для размышлений: по-видимому, негативное отношение к родителям довольно широко распространено в нашем обществе.

Самому Будде было что сказать об отношениях с родителями. В «Сигалака-сутте» утверждается, что Будда говорил о пяти способах, которыми сын должен служить своему отцу и матери в восточном направлении. Он должен думать: «Они поддерживали меня в прошлом, и я буду поддерживать их в будущем. Я выполню свои обязанности по отношению к ним. Я буду придерживаться традиций моей семьи. Я буду достойным моего наследия. После смерти моих родителей я раздам подарки от их имени»¹⁰⁵. То же самое, конечно, касается и дочери. Она тоже должна служить своей матери и отцу как восточному направлению, она тоже должна думать таким образом.

Многое можно сказать о пяти способах, которыми человек должен служить своим

родителям. Однако здесь я коснусь вопроса, который еще более важен, – настолько важен, что в этой сутте Будда, по-видимому, принимает это как должное. Однако намек на это содержится в образах сутты. Будда объясняет Сигалаке, что человек выражает почтение востоку, служа своим родителям пятью способами. Но почему востоку?

Причина, возможно, очевидна. Солнце встает на востоке, берет начало на востоке, так сказать, и, подобно этому, мы обязаны своим появлением на свет нашим родителям – если оставить в стороне вопрос о карме, по отношению к которой родители, возможно, лишь инструменты. Если бы не наши родители, нас бы здесь не было. Они дали нам жизнь, они дали нам человеческое тело, а в буддизме человеческое тело считается очень ценным. Оно драгоценно, потому что только в человеческом теле (мужском или женском) существо способно достичь Просветления. Даровав нам человеческое тело, наши родители, следовательно, дают нам возможность достичь Просветления, и мы должны быть очень благодарны им за это, особенно, если мы действительно практикуем Дхарму.

Наши родители не только дали нам человеческое тело: несмотря на слова Ларкина, они воспитали нас, как только смогли. Они позволили нам выжить, они дали нам образование. Возможно, не все из них могли отправить нас в университет и тому подобное, но они научили нас говорить, а это основа большинства вещей, которым мы научились впоследствии. Обычно первым словам нас учит наша мать, и отсюда происходит английское выражение «mother tongue», родной язык. Только посредством родного языка у нас есть доступ ко всей литературе, которая была написана на этом языке, в раннем детстве, и мы можем в полной мере насладиться этой литературой, потому что это наш родной язык, а не тот, который мы выучим позднее.

Не все задумываются об этом и признают свой долг перед родителями. Классический пример из английской литературы – персонаж одного из моих любимых романов Чарльза Диккенса, романа «Тяжелые времена», мистер Баундерби. Мистер Баундерби – успешный промышленник, и ему очень нравится говорить всем, что он всего добился самостоятельно. Он рассказывает это при первой же возможности и очень подолгу. Он в ярких деталях описывает, как его отвергла собственная мать, как была пьяная бабушка, как ребенком он жил в канаве, и ему приходилось самому заботиться о себе, что никто никогда ему не помог, и он проложил себе путь в этом мире и стал богатым только благодаря своим собственным усилиям. Однако с развитием романа выясняется, что все это – совершенная ложь. На самом деле у него была любящая мать, которая заботливо его воспитывала, дала ему образование и помогала ему всем, чем могла. В действительности его мать еще жива, но он держит ее где-то в отдаленной деревне и не разрешает приезжать к нему. Другими словами, мистер Баундерби – чудовищно неблагодарный человек.

Мы обсудим вопрос, почему люди столь неблагодарны, позднее. Однако сначала давайте обратимся ко второму из главных объектов благодарности в буддизме – нашим учителям. Здесь под учителями я подразумеваю не учителей Дхармы, а всех тех, у кого мы получаем наше светское образование и культуру. Среди них важное место, несомненно, занимают наши школьные учителя. У них мы берем зачатки образования как такового, и, следовательно, мы должны быть им благодарны. Истина в том, что очень немногое из того, что мы знаем или думаем, что знаем, мы открыли в результате наших собственных усилий. Практически всему, что мы знаем, нас, так или иначе, научили. Например, если мы подумаем о наших знаниях по истории, лишь немногие из нас когда-либо проводили хотя бы один научный эксперимент, открыли один исторический факт, который еще не был открыт до

этого. Вся наша работа в этой сфере была сделана за нас другими. Мы воспользовались их усилиями, и наше знание – немногим больше эха их знания.

Помимо того, что мы учимся у живых учителей, мы также учимся у людей, которые умерли столетия назад, получая знания из работ, которые они оставили, и записанных за ними слов. Это не просто вопрос обучения в чисто интеллектуальном смысле – получения информации. Среди этих книг – великие плоды воображения, великие стихотворения, великие романы, великие драмы – и эти работы являются источником бесконечного обогащения, без которого мы были бы неизмеримо беднее. Они помогают нам углубить и расширить наше видение. Следовательно, мы должны быть благодарны великим мужчинам и женщинам, создавшим их. Мы должны быть благодарны Гомеру и Вергилию, Данте и Мильтону, Эсхилу и Калидасе, Шекспиру и Гете. Мы должны быть благодарны Мурасаки Шикибу, Сервантесу, Джейн Остен, Диккенсу, Достоевскому и сотням других людей, которые повлияли на нас гораздо сильнее, чем мы можем представить. Американский критик Гарольд Блум вообще утверждал, что Шекспир – творец человеческой природы, какой мы ее знаем – и это действительно дерзкое утверждение (хотя он и обосновывает его).

Конечно, наш опыт также углубляется, а видение расширяется посредством изобразительного искусства и музыки. Великие живописцы, скульпторы и композиторы – также среди наших учителей. Они тоже сделали нашу жизнь богаче, и мы также должны быть им благодарны. Я не буду упоминать в этом контексте никаких имен, потому что их просто слишком много, чтобы выбрать – как среди древних, так и среди современных творцов Востока и Запада, а не потому, конечно, что считаю, что великие художники и композиторы менее важны, чем великие поэты, писатели и драматурги.

Таким образом, под «учителями» я понимаю всех тех, кто внес вклад в создание нашего коллективного культурного наследия, без кого мы не были бы в полной мере людьми. Помня, чем мы им обязаны, и чувствуя благодарность к великим художникам, поэтам и композиторам, мы должны не просто наслаждаться их работами, но и чтить их память и делиться нашим восторгом с друзьями.

Прежде, чем мы перейдем к рассмотрению третьего основного объекта благодарности, нашим духовным друзьям, я хочу отметить в целом, что нам не нужно думать об этих трех объектах благодарности как о чем-то совершенно отдельном и отличном друг от друга. Между первым и вторым объектами, а также между вторым и третьим есть определенные точки пересечения. Родители также в какой-то мере являются нашими учителями. В буддийской традиции родителей называют *пораначарьями*, что означает «бывшие (или древние) учителя». Их называют так, потому что они – наши первые учителя, даже если все, чему они нас научили, – несколькими словам. Мы можем быть благодарны нашим родителям не только за то, что они подарили нам жизнь, но и за то, что они дали нам, по крайней мере, зачатки знаний и впервые познакомили нас с элементами нашего культурного наследия.

Подобно этому, есть точка пересечения между учителями и духовными друзьями. Величайшие поэты, художники и композиторы могут заложить в нас духовные ценности, помочь нам подняться к высотам духа. На протяжении последних нескольких столетий произошли великие изменения, по крайней мере, на Западе. До этого величайшим, если не единственным, носителем духовных ценностей оставалось христианство в лице Церкви. Но сейчас, когда многие утратили веру в христианство, многие люди обратились в другую сторону в поисках смыслов и ценностей, и они находят их в великих произведениях

искусства: в пьесах Шекспира, поэзии Вордсворта, Бодлера и Рильке, музыке Баха, Бетховена и Моцарта, работах великих живописцев и скульпторов итальянского Возрождения. Эти великие мастера стали, так сказать, нашими духовными друзьями, особенно если мы обращаемся к ним и их работам в течение многих лет. Учась восхищаться ими и ценить их, мы чувствуем по отношению к ним огромную благодарность за все, что они нам подарили. Они – среди наших духовных друзей в широком смысле этого слова.

Но теперь давайте перейдем к собственно духовным друзьям. Здесь, как и со словом «благодарность», нам нужно обратиться к санскритскому слову, обозначенному английским эквивалентом. Как мы уже отметили, санскритское выражение, которое переводится как «духовный друг», – «*кальяна митра*». «Митра» происходит от слова «*майтри*» («*метта*» на пали), а майтри – это сильная, альтруистичная, активная любовь, которую четко отличают в буддийской традиции от «*према*» («*нема*» на пали) – сексуальной любви или привязанности. Митра или друг – это, следовательно, тот, кто чувствует к тебе сильную альтруистичную активную любовь. А «*кальяна*» означает, во-первых, «прекрасный, очаровательный», а, во-вторых, «благоприятный, полезный, морально благой». Следовательно, выражение «кальяна митра» имеет гораздо больше оттенков смысла, чем фраза «духовный друг».

Наши духовные друзья – это те, кто духовно более опытен, чем мы. Будды – наши духовные друзья. Архаты и бодхисаттвы – наши духовные друзья. Великие буддийские учителя Индии и Китая, Тибета и Японии – наши духовные друзья. Те, кто учит нас медитации, – наши духовные друзья. Те, у кого мы изучаем писания, – наши духовные друзья. Те, кто дарует нам посвящение, – наши духовные друзья. И все эти духовные друзья должны стать объектом нашей огромной, сердечной признательности. Мы должны быть им еще более благодарны, чем нашим учителям.

Почему? Потому что от наших духовных друзей мы получаем Дхарму. Мы не открыли и не изобрели Дхарму. Мы получили ее в дар от наших духовных друзей, а они, в конечном итоге, – от самого Будды. В «Дхаммападе» Будда говорит: «Величайший из всех даров – дар Дхармы»¹⁰⁶. Чем больше дар, тем большую благодарность мы должны ощущать. Мы не только должны ощущать эту благодарность в своем сердце – мы должны выражать ее в словах и поступках. Мы можем сделать это тремя способами: читая восхваления нашим духовным друзьям, практикуя Дхарму, которую они нам даровали, и передавая эту Дхарму другим, насколько это в наших силах.

Величайший из наших духовных друзей – Будда Шакьямуни, который открыл (или обнаружил заново) путь, которому мы, будучи буддистами, следуем в наши дни. Именно к нему мы обращаемся за Прибежищем, именно Дхарму, которой он учил, мы пытаемся практиковать, и именно при поддержке Сангхи, которую он основал, мы можем практиковать Дхарму. Следовательно, у нас есть причина быть ему очень благодарными – более благодарными, по сути, чем кому бы то ни было еще. Наши родители на самом деле даровали нам жизнь, но что такое жизнь без дара Дхармы? Наши учителя дали нам знания, образование и культуру, но насколько ценны даже все эти вещи без Дхармы? Именно потому, что они так сильно благодарны Будде, буддисты выполняют пуджи в знак преданности ему и отмечают события его жизни в контексте различных буддийских праздников.

Но людям не всегда легко почувствовать благодарность по отношению к собственным родителям, учителям или даже духовным друзьям. Почему так происходит? Важно понять причину таких затруднений. В конце концов, благодарность – это важное духовное качество,

добродетель, примером которой стал и учил ей Будда, как и многие другие. Цицерон, великий римский оратор и философ, сказал, что благодарность – не просто величайшая добродетель, но мать всех остальных. Неблагодарность, следовательно, является очень серьезным недостатком. Однажды Будда сказал, что неблагодарность – один из четырех великих проступков, которые влекут за собой *нирайю*, рождение в состоянии страданий. Это очень важное и весомое утверждение¹⁰⁷.

Но почему мы неблагодарны по отношению к родителям, учителям, духовным друзьям? Некоторые думают, что как буддисты мы должны быть просто переполнены благодарностью ко всем этим людям. Подсказку можно найти в палийском слове, которое мы переводим как «благодарность», *катаннута*. Как мы отметили, оно значит знание или признание того, что было сделано нам на благо. Подобно этому, *акатаннута* («а» здесь – приставка отрицания), неблагодарность, означает незнание или непризнание того, что было сделано нам на благо.

Есть ряд причин для неблагодарности. Во-первых, мы можем просто не распознать благо как благо. Есть некоторые люди, которые саму жизнь не воспринимают как благо, и, следовательно, не чувствуют благодарности по отношению к своим родителям, которые произвели их нас на свет. Иногда люди говорят нечто подобное этому: «мы не просили, чтобы нас производили на этот свет». Если вы верите в карму и перерождение, это, конечно, не так – но, в любом случае, люди так говорят. В некоторых случаях не считают жизнь благом, потому что они ощущают, что она полна страданий, что она по сути болезненна, и, следовательно, не ощущают ее ценности, не осознают огромный потенциал человеческой жизни. Если воспользоваться буддийской терминологией, они не понимают, что человеческое существо, и только человеческое существо, способно достичь Просветления или, по крайней мере, продвинуться в этом направлении.

Подобно этому, есть люди, которые не признают, что знание, образование или культура – это благо. Они не ощущают благодарности по отношению к своим учителям или тем, кто, по крайней мере, попытался научить их чему-нибудь. Иногда они даже чувствуют враждебность к ним. Возможно, им кажется, что им навязали образование или культуру. Такие люди, скорее всего, не встретятся с духовными ценностями, Дхармой или духовными друзьями, а если и встретятся, такой контакт будет внешним и поверхностным. Они не смогут понять, что происходит. Может быть, они даже увидят врагов в тех, кто попытается быть их духовными друзьями, и, следовательно, вопроса о благодарности даже не возникнет.

Так некоторые люди реагировали и на самого Будду. Далеко не все, кто слышали его речи или учение, ощущали к нему благодарность. В его времена было множество людей, которые считали его довольно эксцентричным учителем, отклонением от нормы. Они, несомненно, не ощущали к нему благодарности за дар Дхармы. Иногда люди клеветали на него, а некоторые даже пытались его убить.

С другой стороны, мы можем распознать благодеяния и даже признать, что ими одарили нас другие люди, но принять эти благодеяния как должное. Не понимая, что это дар, мы можем подумать, что заслужили это, что имеем на это права и, следовательно, в каком-то смысле, это нам уже принадлежит, поэтому нет нужды в благодарности.

Такое отношение широко распространено в обществе в наши дни. Люди склонны считать, что все делается ради них, что у них есть на это право. Родители, учителя и государство обязаны обеспечивать их всем, что им пожелается. Иногда они полагают, что и

духовные друзья обязаны обеспечивать их всем, что пожелается. Если они не получают того, чего хотят, от духовного друга, учителя или гуру, и не получают быстро, они уходят, чтобы попытаться получить это у кого-нибудь еще. Опять же, не возникает и вопроса о благодарности. Конечно, родители, учителя и друзья должны приносить нам пользу по мере своих возможностей. Но нужно признать, что они *принесли* вам пользу, и что в ответ вы должны проявлять к ним благодарность.

Еще одна причина неблагодарности – эгоизм. Эгоизм может принимать разные формы, у него много аспектов. Здесь я понимаю под ним отношение, полное хронического индивидуализма – веру в то, что мы отделены от других, никак от них не зависим, и, следовательно, ничем никому не обязаны. Человек чувствует, что никому ничем не обязан, потому что все может сделать сам. Мистер Баундерби Диккенса – хороший пример подобного отношения, но в литературе есть и другие примеры, например, Сатана из «Потерянного рая» Мильтона и «Черный Избавитель» из «Жизни и освобождения Падмасамбхавы». Человек, эгоистичный в таком смысле, неспособен почувствовать благодарность и не может признать, что другие ему помогли. Возможно, они и не говорят об этом прямо, как мистер Баундерби, но именно с таким внутренним отношением они живут.

Такое отношение иногда находит отражение в сфере искусства. Некоторым писателям и художникам не нравится считать, что они чем-то обязаны своим предшественникам. Желая быть оригинальными, пробиться на совершенно новую дорогу, они не хотят признавать, что есть такие вещи, как культурное наследие или литературный канон. В некоторых кругах это отношение приняло крайние, даже опасные формы, и в результате привело к попытке отвергнуть большую часть нашего литературного и художественного наследия по идеологическим основаниям. Такое явление крайне неблагоприятно и даже потенциально разрушительно, и ему нужно противостоять всеми возможными способами. Эгоизм в том значении, в котором я использую это слово, также находит выражение в сфере религии. Это случается, когда мы не признаем источник нашего вдохновения или когда пытаемся выдать за свои учение или практику, которым мы на самом деле научились у наших духовных друзей.

Четвертая и последняя причина неблагодарности, которую я хочу упомянуть здесь – забывчивость. Есть две главных причины того, почему мы забываем о принесенном нам благе. Во-первых, просто проходит время. Возможно, нам помогли очень давно – так давно, что мы уже не помним этого отчетливо и больше не чувствуем благодарности к тому, кто нам помог, даже если первоначально мы ее ощущали. Вероятно, это основная причина, почему мы не слишком активно проявляем благодарность по отношению к собственным родителям. За годы в нашей жизни многое происходит: ранние воспоминания затмеваются более поздними, другие отношения становятся важными, и, возможно, мы отдаляемся от родителей географически, социально или культурно. В результате этого мы – говоря откровенно – забываем их. Мы забываем те многочисленные случаи, когда они приносили нам благо в детстве, и больше не ощущаем к ним благодарности. Еще одна вероятная причина того, что мы «забываем» быть благодарными, заключается в том, что мы, прежде всего, не слишком явно ощущаем положительные последствия этой помощи, и, следовательно, не чувствуем большой благодарности. В подобных обстоятельствах благодарность легко теряет силу и забывается совсем.

Таковы четыре самые важные причины неблагодарности: неумение распознать благо как благо, принятие помощи как должного, эгоизм и забывчивость. Неблагодарность, к несчастью, с большой вероятностью проявляется в самые неожиданные моменты и самым

различным способом в жизни практикующего буддиста. По достижении определенного уровня духовного развития человек просто не способен быть неблагодарным. Вошедший в поток не способен на это, и в действительности его будет переполнять благодарность к родителям, учителям и духовным друзьям. Но пока мы не достигли этого уровня, мы подвергаемся опасности забыть о благодарности.

За годы, прошедшие с того момента, как я сам основал буддийское движение (а их на момент написания этого прошло уже более тридцати), я получил много, очень много писем, – вероятно, тысячи – от людей, которые недавно познакомились с Дхармой в одном из центров, которые я основал, или посредством общения с отдельными членами общины. Каждый год я получаю все больше и больше таких писем. Они приходят от молодых и стариков, от людей, живущих совершенно разной жизнью, людей разного происхождения и национальности. И во всех этих письмах, среди прочего, – одна и та же вещь. В них говорится о том, как пишущие их рады тому, что открыли для себя Дхарму. И не только те, кто пишут эти письма, хотят выразить свою благодарность Трем Драгоценностям и буддийскому движению, а также мне лично за то, что я его основал. Некоторые люди действительно выражают свою благодарность очень ярко. Они говорят, что Дхарма изменила их жизнь, придала ей смысл, спасла их от отчаяния, даже от самоубийства.

Такие благодарственные письма приходят ко мне почти каждую неделю, и это заставляет меня думать, что все эти годы не были потрачены мной впустую. Но с годами я заметил, что, хотя некоторые люди, и их большинство, остаются благодарными и даже становятся все более и более благодарными, в случае с некоторыми людьми, к несчастью, чувство благодарности ослабевает. Они начинают забывать о пользе, которую им принесли, и даже начинают задаваться вопросом, а помогли ли им вообще. Больше не зная и не признавая того, что было для них сделано, они становятся неблагодарными. Ощущая неблагодарность к своим духовным друзьям, они могут даже начать искать в них недостатки. Такое положение вещей очень печально, и в последние годы я много думал об этом и пришел к некоторым выводам о том, почему это происходит.

Мне кажется, что люди забывают о пользе, которую им принесли, потому что на самом деле больше не ощущают ее. А не ощущают они ее, потому что по той или иной причине поставили себя в такое положение, в котором не могут ее получить. Позвольте мне привести конкретный пример. Предположим, вы начали посещать занятия по медитации. Вы учитесь медитировать и достигаете определенных результатов. Но однажды, по той или иной причине, вы прекращаете посещать занятия и постепенно перестаете практиковать дома. Вы перестаете медитировать. Со временем вы забываете, каковы были ваши переживания в медитации. Вы забываете ту радость и покой, которые вы ощущали. Вы забываете о пользе медитации. Поэтому вы перестаете ощущать благодарность по отношению к тем, кто познакомил вас с этой практикой. То же самое может произойти в отношении ретритов, обучения Дхарме, проведения времени с духовными друзьями, принятия участия в пуджах и посещения буддийских праздников. Люди просто теряют с этим связь. Они могут забыть, какую пользу им однажды принесли эти занятия, и, следовательно, перестают чувствовать благодарность к тем, кто сделал участие в них возможным.

Иногда люди снова появляются спустя время, они снова начинают посещать занятия медитации, снова отправляются в ретрит, возможно, спустя много лет. Я знавал людей, которые снова восстановили контакт с Дхармой после целых двадцати двух лет – это довольно большой срок для любого человека. Когда такое случается, люди почти всегда

говорят одно и то же: «Я забыл, как это было прекрасно». И, следовательно, чувствуют обновленную благодарность.

Так и должно быть. Так и должно быть, чтобы мы были благодарными, признавали пользу, которую нам принесли. Так и должно быть, чтобы мы были благодарны своим родителям, даже признавая все их несовершенства, – родителям, которые больше не совершенны, как и их дети. Так и должно быть, чтобы мы чувствовали благодарность по отношению к нашим учителям, нашим духовным друзьям и буддийской традиции. И, конечно, так и должно быть, чтобы мы были благодарны Будде, кто, как мы поняли, сам был полон искренней и безотчетной благодарности.